Кр Р 1261401

63.3
122

ПАМЯТИ
ГРАФА Е.Э. КЕДЕРА.

А. Г. Авчинниковъ.

12/VI 97 - СТВ
18/VI 97 - СТВ
23/XI 98 о чел.
4/XI 2000 о чел.
23/I 2002 о чл.
21/XII - необ. НП.
8.04-08 Буц
28/V 09 СТВ

Р. Ф. 4
край
63.3(2Рк-4Дн)
А22

А. Г. Авчинниковъ.

ПАМЯТИ ГРАФА Ѳ. Э. КЕЛЛЕРА.

Кр. Р1261401

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА
ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА
ім. Жовтневої Революції

Екатеринославъ. Тов. „Печат. С. П. Яковлева

ARCHIVIO GIURIDICO

Пою, чтобъ память лучшихъ изъ людей,
Пожертвовавшихъ кровью
Для блага родины своей,
Покрылась ярче и сильнѣй
Почетомъ и любовью!...

Изъ стих. „Пиръ друзей" А. В. Арсеньева.

Въ годину тяжкаго испытанія Россіи, во время русско-японской войны, на поляхъ далекой Манчжуріи завидною смертью героя завершилъ свой жизненный путь графъ Ѳ. Э. Келлеръ. Вѣсть о смерти Ѳеодора Эдуардовича печальнымъ эхомъ откликнулась по всему родному русскому краю, утратившему въ этомъ сподвижникѣ Скобелева одного изъ лучшихъ своихъ и вѣрныхъ защитниковъ.

Особенно горько отозвалась тяжелая потеря въ Екатеринославѣ и Екатеринославской губерніи, которою правилъ графъ послѣдніе четыре года передъ отъѣздомъ на Дальній Востокъ. Когда въ 1903 году екатеринославцы чествовали графа Ѳеодора Эдуардовича, по случаю исполнившагося тридцатипятилѣтія его служенія въ военныхъ чинахъ, на юбилейномъ торжествѣ выразилось не только уваженіе къ начальнику края, но и любовь, которую заслужилъ себѣ графъ какъ у своихъ подчиненныхъ, такъ и у мѣстнаго населенія.

13-го марта 1904 года екатеринославцы провожали графа на войну и народная любовь къ нему проявилась съ новою признательною силою. Городское населеніе устроило ему величественные, чисто народные проводы и, когда тронулся поѣздъ, тысячная толпа бѣжала за нимъ до желѣзнодорожнаго моста.

Надо быть очень хорошимъ человѣкомъ, чтобы заслужить такую народную любовь, и про графа Ѳеодора Эдуардовича можно сказать, положа руку на сердце, что это былъ **хорошій человѣкъ** въ лучшемъ значеніи этого слова. Идеальная душа, идеальные взгляды на жизнь и людей, прямота добраго, откровеннаго человѣка, не таившаго никогда никакой злобы въ сердцѣ своемъ, соединенная съ рыцарскою честностью, рыцарскимъ благородствомъ и обворожительною привлекательностью—вотъ чѣмъ графъ завоевывалъ сердца. Окончательно же покорилъ онъ эти сердца своею беззавѣтною любовью къ родинѣ, проявившеюся во всей силѣ, какъ только Отечество оказалось въ опасности. Собственнымъ примѣромъ онъ показалъ, какъ надлежитъ исполнять свой долгъ истинному сыну Россіи, и, не медля ни минуты, промѣнялъ мирное административное служеніе на опасный боевой постъ.

Исполняя свой долгъ до конца, онъ и жизнь свою отдалъ на служеніе Отечеству, геройскою смертью на полѣ брани, завершивъ свой честный и чистый житейскій путь.

Славной незабвенной памяти этого доблестнаго воина и лучшаго изъ гражданъ посвящается съ благоговѣніемъ сей скромный трудъ.

А. Г. Авчинниковъ

Въ Кавалергардскомъ полку. За братьевъ славянъ! Рекогносцировки, стычки, перестрѣлки. Побѣда надъ Османомъ-Пашей. Подъ огнемъ турецкой флотиліи. На параходѣ „Фульджіеро". Подъ Плевной. На Шипкинскихъ позиціяхъ. Шейново. Къ Андріанополю. На мирныхъ постахъ.

...„Земля и небеса прейдутъ",
Но если міромъ ты помянутъ
И за такой не будешь трудъ,
То камни въ нѣдрахъ горъ воспрянутъ
И о тебѣ возопіютъ!

Изъ стих. „Пѣсни жизни" Омулевскаго (И. В. Федорова).

рафъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ Келлеръ происходитъ изъ дворянъ Курляндской губерніи; сынъ сенатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эдуарда Ѳеодоровича Келлера.

Родился 3 августа 1850 г. Воспитаніе получилъ въ пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ. Въ 1868 году 12-го іюля выпущенъ въ корнеты кавалергардскаго Ея Величества полка.

Полковые сослуживцы всегда восторженно отзывались о графѣ Келлерѣ. Его любили всѣ, кто только съ нимъ не сближался, онъ всюду былъ желаннымъ гостемъ. Весельчакъ и балагуръ, куда бы онъ ни являлся, неизмѣнно вносилъ съ собою оживленіе и смѣхъ.

Товарищи кавалергарды прямо боготворили его. Да и было за что! Не разъ ему приходилось выручать своихъ товарищей изъ временной матеріальной нужды, обусловившейся неожиданнымъ проигрышемъ въ карты и т. п.

Въ Пажескомъ корпусѣ.

Нужно было видѣть съ какой онъ охотой приходилъ на помощь къ пострадавшему, какъ онъ искусстно облегчалъ его положеніе, какъ деликатно и мягко, какъ онъ умѣлъ при этомъ щадить самолюбіе товарища! Разсказываютъ такой случай *). Одинъ кавалергардскій корнетъ проигралъ какому-то „штатскому“ изрядную сумму денегъ съ обязательствомъ расплатиться въ 24 часа. А у корнета не было въ это время ни копѣйки. Бѣдный юноша пріунылъ: „гдѣ достать денегъ?“ Обращаться къ товарищамъ немыслимо, такъ какъ онъ всѣмъ, кому только можно было, задолжалъ. И вотъ онъ заперся на своей квартирѣ и задумчиво шагая по комнатѣ, уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ началъ поглядывать на заряженный револьверъ „а не катнуть-ли?“ Какъ разъ въ это время является къ нему графъ Келлеръ, по обыкновенію, веселый и жизнерадостный.—Здравствуй, дѣвица красная! (такъ онъ иногда въ шутку называлъ краснощекаго и безусаго корнета). Что? Иль опять захандрилъ? (о несчастьѣ, постигшемъ корнета, онъ только что узналъ отъ одного изъ товарищей).

— Ну и захандрилъ... Тебѣ-то что за дѣло?—мрачно отрѣзалъ корнетъ.

— Брось, не стоитъ... утѣшалъ графъ. Посмотри какъ прекрасенъ Божій міръ!

— Надоѣло все!—безнадежно махнувъ рукой, возразилъ корнетъ. Жизнь опротивѣла!

Графъ съ тревогой воззрился на собесѣдника и молчалъ, какъ бы соображая что-то про себя. А тотъ, между тѣмъ, продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ.

---

*) Изъ воспоминаній князя Б. А. Щетинина, „Историческій Вѣстникъ“ 1904 года сентябрь.

— Представь голубчикъ, какая досада!—вдругъ сказалъ графъ послѣ нѣкоторой паузы: - я перепуталъ дни; вчера мнѣ нужно было съѣздить во что бы то ни стало въ Царское Село, а я почему-то вообразилъ, что не вчера, а сегодня вторникъ!

Въ кавалергардскомъ полку.

— Сегодня вторникъ и есть!—отозвался корнетъ.

— Полно врать! Сегодня у насъ среда!

— Да нѣтъ же, я знаю навѣрное, что вторникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—среда!—твердилъ графъ свое.

— Хочешь пари на пять тысячъ? (какъ разъ это была сумма карточнаго долга корнета).

— Я не хочу тебя подводить, это нечестно! — великодушничалъ юноша. Я вѣдь знаю, что ты проиграешь?

— Ну, въ такомъ случаѣ давай такъ: если я проиграю, то даю тебѣ взаймы пять тысячъ, а если ты проиграешь, то уплачиваешь мнѣ эту сумму безъ отдачи,—согласенъ?

Корнетъ даже улыбнулся на подобное предложеніе, какъ онъ ни былъ мраченъ.

— Ну хорошо.—согласился онъ.—Пять у тебя взаймы, пожалуй могу, а иначе ни за что. Ударили по рукамъ. Вопросъ былъ рѣшенъ при помощи газеты.

— Вотъ смотри!—съ торжествующей улыбкой показывалъ корнетъ:—вторникъ, 18 ноября!

Графъ Келлеръ проигралъ. Онъ притворился опечаленнымъ, между тѣмъ какъ въ душѣ былъ чрезвычайно радъ, что выдумка ему удалась, и что онъ такъ ловко выручилъ товарища, не задѣвъ его самолюбія.

Въ 1876 г. началась сербско-турецкая война. Графъ Осодоръ Эдуардовичъ добровольно отправился на театръ военныхъ дѣйствій и былъ зачисленъ въ подполковники сербской службы, вскорѣ послѣ прибытія, уже принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, удивляя всѣхъ своей беззавѣтной храбростью. Ему ничего не стоило рѣшиться на какой угодно отважный подвигъ, участвовать въ любой, самой опасной рекогносцировкѣ. Такъ, въ стычкѣ подъ Адровацемъ былъ моментъ, когда онъ, окруженный со всѣхъ сторонъ турками, чуть было не попалъ къ нимъ въ плѣнъ, но, отчаянно отстрѣливаясь изъ револьвера, ухитрился таки пробиться сквозь непріятельскую цѣпь, оставшись цѣлымъ и невредимымъ.

Молодецкая удаль графа дѣйствовала столь заразительно на его боевыхъ товарищей, что даже тѣ изъ нихъ, которые не отличались особенною отвагою, при немъ становились неузнаваемы: это были настоящіе храбрецы, готовые идти вмѣстѣ съ нимъ на какой угодно боевой подвигъ. 21 августа графу было предписано сформировать старо сербско-болгарскую бригаду, которая впослѣдствіи послужила ядромъ дружинъ болгарскаго ополченія. Съ 23 августа по 3 сентября графъ участвовалъ во многихъ рекогносцировкахъ, стычкахъ и перестрѣлкахъ съ непріятелемъ въ долинѣ Моравы. 5 сентября онъ былъ командированъ генераломъ Черняевымъ изъ Делигарда съ особыми порученіями къ наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи Императору Александру III) въ славянскіе комитеты С.-Петербургскій и Московскій и къ фельдмаршалу князю Барятинскому въ Скерневицы. Порученіе это было исполнено весьма быстро, и уже 22 сентября графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ вернулся въ долину Моравы, гдѣ 24 сентября былъ назначенъ начальникомъ лѣваго крыла 3-го корпуса, дѣйствовавшаго противъ Османа-Паши (впослѣдствіи Гази-Османа-Паши Плевненскаго) на Тимокѣ. Отрядъ графа состоялъ изъ 10 баталіоновъ, 1-го эскадрона и 10 орудій. Послѣ 8-го октября къ нему были еще присоединены 4 баталіона и эскадронъ добровольцевъ князя Обо ленскаго.

4-го октября Османъ Паша переходитъ въ наступленіе изъ Зайчара, но стремительная атака его, послѣ упорнаго боя на Конятъ, съ успѣхомъ отбивается графомъ Оеодоромъ Эдуардовичемъ, который за отличіе награждается серебряною медалью „за храбрость". 6-го октября графъ Оеодоръ Эдуардовичъ рѣшается перейти въ наступленіе для занятія Зайчара; происходитъ второй кровопролитный бой на Конятъ, закончившійся занятіемъ непріятельскихъ позицій. Въ теченіи двухъ дней отрядъ, отбѣснившій турокъ, занимаетъ окружающія Зайчара высоты, но не можетъ аттаковать самый городъ, потому, что въ эти дни стоялъ непроницаемый туманъ. Получается приказаніе отступить изъ подъ Зайчара и занять позицію у Брестоваца. Несмотря на крайне трудныя условія, графъ Оеодоръ Эдуардовичъ въ полномъ и образцовомъ порядкѣ привелъ въ исполненіе это приказаніе. 17 октября въ 7½ час. утра турки перешли въ наступленіе подъ Дьюницемъ и, послѣ кровопролитнаго боя, совершенно разгромили сербскую армію. Сербскій баталіонъ, занимавшій одинъ изъ редутовъ, бросился бѣжать, паника передалась всѣмъ войскамъ и все бросилось къ делиградскому мосту, гдѣ, вслѣдствіе страшной сумятицы, погибло много народа. Только одна русско-болгарская бригада и удерживала турокъ. Послѣ бѣгства Моравской арміи главнокомандующій (генералъ Черняевъ) приказалъ графу собрать всѣхъ русскихъ добровольцевъ своего отряда и, съ двумя русско-болгарскими баталіонами и конною сотнею князя Оболенскаго, слѣдовать къ Чуприи. Во время исполненія этого трехдневнаго марша отрядъ графа Оеодора Эдуардовича на бивакѣ подвергается ночному нападенію баши-бузуковъ и вооруженныхъ мѣстныхъ жителей (Куцоволоховъ), но бой оканчивается полнымъ пораженіемъ нападавшихъ, и 19 октября отрядъ прибываетъ въ Чуприю. Между тѣмъ, стало очевидно, что Сербія дальше не можетъ, да и не хочетъ продолжать войну; многіе изъ добровольцевъ разочаровались въ своихъ надеждахъ. Въ виду перемиріи, главнокомандующій, генералъ Черняевъ рѣшается уѣхать, большая часть сербскихъ войскъ роспускается, и желающіе изъ русскихъ добровольцевъ отправляются на родину. Изъ остальныхъ, по приказанію генерала Черняева, формируется дивизія, начальство надъ которой взвѣряется полковнику Меньженинову; начальникомъ штаба назначается графъ Келлеръ. Но не долго—не болѣе 48 часовъ, графъ Оеодоръ Эдуардовичъ исправлялъ эту должность, полковникъ Меньжениновъ, въ теоріи вполнѣ согласившись на предложеніе графа

Ѳеодора Эдуардовича о неотложной необходимости въ принятіи строгихъ мѣръ для поддержанія вполнѣ пошатнувшейся среди русскихъ добровольцевъ дисциплины, не нашелъ въ себѣ достаточной энергіи и силы воли для неуклоннаго проведенія этихъ мѣръ на практикѣ. Полная дезорганизація русской добровольческой дивизіи являлась лишь вопросомъ самого близкаго времени и графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ уѣхалъ 23 октября изъ Чуприи въ Бѣлградъ, гдѣ князь Миланъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за службу и, по представленію генерала Черняева, передалъ ему высшую въ то время военную награду—большую золотую медаль „за храбрость". 18 декабря 1876 г. графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ вновь поступилъ на русскую службу подполковникомъ, съ зачисленіемъ въ генеральный штабъ. 6-го января 1877 года онъ былъ назначенъ для порученій при штабѣ 11-го армейскаго корпуса. 12 апрѣля 1877 года въ составѣ авангарда этого корпуса, подъ начальствомъ полковника Бискупскаго, онъ перешелъ рѣку Прутъ и участвовалъ въ занятіи гор. Галаца; въ качествѣ начальника штаба отряда полковника Реута, графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ, во главѣ сотни 40 Донского казачьяго полка, занялъ 10-го мая селеніе Гуру Яломницу, подъ огнемъ турецкихъ мониторовъ, затѣмъ 11, 12 и 13 мая руководилъ возведеніемъ укрѣпленій при впаденіи рѣки Яломницы въ Дунай подъ огнемъ непріятельскихъ флотилій. 27 іюня графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ находился охотникомъ на пароходѣ „Фульджіеро" подъ командой лейтенанта Дубасова, при производствѣ рекогносцировки къ Гирсову и при устройствѣ заграждений въ главномъ руслѣ Дуная, близъ Гуры Яломницы.

За разновременныя отличія въ Нижне-Дунайскомъ отрядѣ графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ. За отличіе въ сраженіи подъ Плевной награжденъ золотою саблей съ надписью „за храбрость". 9-го сентября участвовалъ въ сраженіи подъ Чаиркіой-Церковной и за отличіе награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени съ мечами.

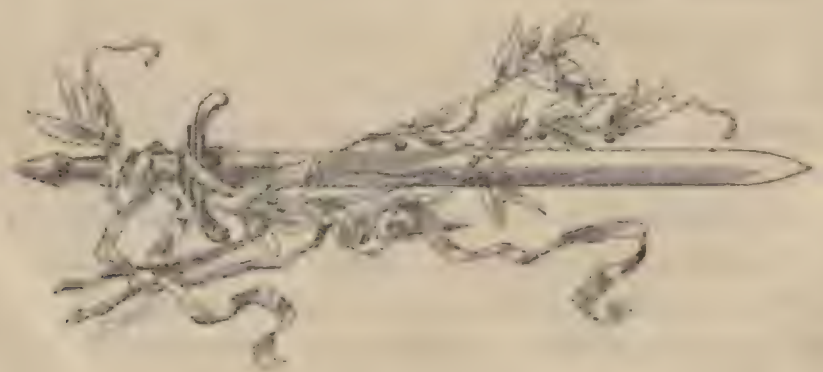
Съ 4-го октября 1877 года по 2 января 1878 года графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ находился въ составѣ Шипкинскаго отряда на Шипкинскихъ позиціяхъ; 24-го декабря приказомъ по Имеретинскому отряду онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба этого отряда, вмѣсто раненнаго подполковника Куропаткина (впослѣдствіи военнаго министра). Обрекогносцировавъ предварительно Имеретинскій перевалъ, графъ

Оеодоръ Эдуардовичъ съ 24 по 27 декабря провелъ по немъ колонну генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, при чемъ 26 декабря участвовалъ въ дѣлѣ подъ Имети, 27-го въ демонстраціи Иметинскаго отряда противъ Шейновскаго лагеря и 28 въ сраженіи подъ Шейновымъ и во взятіи въ плѣнъ всей турецкой арміи Весселя-паши. За отличіе при переходѣ черезъ Балканы и въ сраженіи подъ Шейновымъ графъ Оеодоръ Эдуардовичъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

2-го января 1878 года графъ Оеодоръ Эдуардовичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Болгарскаго ополченія, а спустя два дня начальникомъ штаба авангарда дѣйствующей арміи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го. Съ этимъ авангардомъ Оеодоръ Эдуардовичъ участвовалъ въ походѣ отъ Казанлыка къ Андріанополю и въ дѣлахъ при занятіи гор. Хаскіоя. Съ 12 января до конца кампаніи графъ Оеодоръ Эдуардовичъ продолжалъ участвовать въ дѣлахъ авангарда въ качествѣ начальника штаба; по заключеніи перемирія, 23 января 1878 года, былъ назначенъ для опредѣленія, совмѣстно съ турецкими офицерами, нейтральной полосы между двумя арміями отъ Чернаго до Мраморнаго моря. По исполненіи этого порученія графъ Оеодоръ Эдуардовичъ возвратился къ авангарду арміи въ гор. Чаталджу, 13 февраля отправился въ гор. Казанъ (Котель) въ штабъ Болгарскаго ополченія. Изъ Казана, подъ начальствомъ графа Оеодора Эдуардовича, два раза были отправляемы отряды для усмиренія турецкаго населенія въ балканскихъ деревняхъ и для обезоруженія жителей. Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 года послѣдовало переформированіе болгарскаго ополченія въ болгарское земское войско и 6 мая Оеодоръ Эдуардовичъ былъ назначенъ временно исполнять должность начальника штаба всѣхъ войскъ, вѣренныхъ князю Дондукову-Корсакову, съ оставленіемъ исполняющимъ должность начальника штаба болгарскаго земскаго войска.

15-го сентября 1878 года графъ Оеодоръ Эдуардовичъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й гренадерской дивизіи и въ 1879 году пожалованъ во флигель-адъютанты къ Его Величеству, а 4-го апрѣля произведенъ въ полковники. Въ маѣ мѣсяцѣ 1879 г. графъ Оеодоръ Эдуардовичъ командированъ въ Константинополь и на Балканскій полуостровъ для участія въ работахъ международной комиссіи по опредѣленію границъ Болгаріи. Изъ этой командировки онъ возвратился въ Москву въ январѣ 1880 года. Князь Болгарскій Александръ I

пожаловалъ графу Ѳеодору Эдуардовичу рескриптъ за службу въ рядахъ болгарскаго ополченія и медаль за участіе въ сраженіяхъ при Эски-Загрѣ, Шипкѣ и Шейново. Въ 1882 году Ѳеодоръ Эдуардовичъ зачисленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества и награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени и болгарскимъ орденомъ Св. Александра 3 степени. 30 декабря 1882 г. состоялось назначеніе графа Ѳеодора Эдуардовича командиромъ лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта. За успѣшное выполненіе возложенной на графа обязанности по повѣркѣ порядка призыва въ Полтавской губерніи графу Ѳеодору Эдуардовичу объявлено Монаршее благоволеніе. Въ 1884 году графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ во Францію, для присутствованія на маневрахъ войскъ. Въ 1890 году графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ произведенъ въ генералъ маіоры съ назначеніемъ завѣдывающимъ мобилизаціонной частью главнаго управленія казачьихъ войскъ и съ переводомъ въ генеральный штабъ. Во время состоянія въ этой должности графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ нѣсколько разъ былъ командированъ для наблюденія за ходомъ повѣрочной мобилизаціи въ казачьихъ войскахъ: донскомъ кубанскомъ, оренбургскомъ и астраханскомъ; за успѣшное выполненіе порученій удостоился получить три изъявленія Монаршаго благоволенія. Въ 1892 г. графъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени, въ 1893 г. зачисленъ въ генеральный штабъ и въ 1894 г. 4-го ноября назначенъ директоромъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. 14 мая 1898 года графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени и зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона, съ оставленіемъ въ должности и по генеральному штабу.



Въ Пажескомъ корпусѣ. Губернаторство. Опять добровольцемъ на войну. Проводы. Итоги губернаторства.

...И если гибель неизбѣжна,
То лучше пусть она придетъ
Въ поляхъ, подъ бурею мятежной,
Чѣмъ въ тихомъ омутѣ болотъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

„Если ужъ умирать,
такъ умереть на войнѣ".
Слова графа Келлера.

Ознакомившись вкратцѣ съ военно-походною жизнью графа Ѳеодора Эдуардовича, обратимся къ дѣятельности его на мирныхъ поприщахъ.

Вотъ онъ занимаетъ постъ директора пажескаго корпуса. Онъ и здѣсь любимъ всѣми и воспитанниками и воспитателями. Всѣ, отъ мала и до велика, прямо обожаютъ его. Ласковый въ обращеніи, не-

обыкновенно гуманный, отзывчивый, добрый, онъ близко принимаетъ къ сердцу интересы каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, каждому старается сдѣлать что нибудь хорошее, оказать нравственную или матеріальную поддержку, и всякій разъ, когда ему удается облегчить чье нибудь положеніе, онъ чувствуетъ себя внутренно удовлетвореннымъ, довольнымъ и счастливымъ. Шесть лѣтъ директорства графа Келлера были чуть ли не самой яркой эпохой въ жизни пажескаго корпуса за все время существованія послѣдняго. Глубоко-доброжелательный, тактичный и сердечный, онъ оказалъ много невидимой нравственной поддержки молодымъ людямъ, вступавшимъ въ жизнь при трудныхъ иногда, при всемъ кажущемся блескѣ, обстоятельствахъ.

Пажескій Корпусъ.

Извѣстны случаи, когда его деликатныя заботы о жизненной судьбѣ того или другого пажа напоминали, по теплотѣ, уму и предусмотрительности, заботы отца.

Замѣчательно отношеніе этого гуманнаго директора и къ меньшей братіи, къ разнымъ низшимъ служащимъ.

Передаютъ характерный эпизодъ, относящійся къ тому времени*). Одинъ изъ пажей, будучи въ нетрезвомъ состояніи, испортилъ какое-то кушанье. Узналъ объ этомъ графъ Келлеръ и сгоряча велѣлъ

*) Изъ воспоминаній кн. Б. А. Щетинина. „Истор. Вѣсти. 1904 г. сентябрь.

экономy уволить повара немедленно. Спустя нѣкоторое время графу доносятъ, что провинившійся и уволенный имъ поваръ, былъ, вообще, трезвого поведенія, но что выпилъ онъ тогда съ горя, такъ какъ молодая жена его лежала при смерти.

Графъ страшно взволновался.

„Какъ! ни въ чемъ неповинный человѣкъ пострадалъ изъ за него? Онъ, онъ самъ допустилъ такую несправедливость? Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!“ Призываетъ къ себѣ эконома.—Что-же это вы, батенька? накинулся онъ на него.—Развѣ можно такъ помыкать людьми? Вы должны были сказать мнѣ, что несчастный поваръ не виноватъ, что онъ заслуживаетъ снисхожденія ..

— Простите, ваше сіятельство, я не зналъ, я думалъ...

— Вы думали!.. горячился графъ.—Нельзя такъ, нельзя-съ! Извольте сейчасъ-же вернуть повара на мѣсто и скажите ему, что я передъ нимъ очень виноватъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣтилъ экономъ и уже хотѣлъ было уйти, но графъ остановилъ его.

— Подождите! Мнѣ очень совѣстно передъ этимъ несчастнымъ, надо его приласкать какъ-нибудь, наградить что-ли...

— Какъ прикажете, ваше сіятельство!

Я ужъ и не знаю, что для него сдѣлать. Чтобъ загладить свою вину, право, я готовъ былъ-бы у него новорожденнаго крестить! Слова эти, произнесенныя графомъ съ улыбкой, были поняты экономомъ какъ шутка, переданныя имъ повару, послѣднимъ уже были приняты какъ нѣчто серьезное, такъ что, когда на другой день графъ, дѣлая свой обычный ежедневный обходъ, заглянулъ въ кухню, поваръ бухъ ему въ ноги: Осчастливьте, ваше сіятельство, завтра крестины. Пожалуйте!

Графъ вспомнилъ свои слова и, безъ малѣйшаго колебанія, обѣщалъ повару крестить его первенца. Такъ онъ загладилъ свою „вину“ передъ маленькимъ человѣкомъ, нечаянно имъ обиженнымъ.

Когда этотъ популярный директоръ покидалъ свой постъ всѣ воспитанники и сослуживцы оплакивали его какъ роднаго отца.

Въ 1899 году графъ Келлеръ произведенъ въ генералъ-лейтенанта, а въ слѣдующемъ году назначенъ Екатеринославскимъ губернаторомъ.

Графъ Келлеръ пріѣхалъ въ Екатеринославъ на смѣну князя Святополкъ-Мирскаго, популярнаго начальника губерніи, оставившаго о себѣ самыя лучшія воспоминанія,—естественно, что новое лицо должны были встрѣтить здѣсь недовѣрчиво, даже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

И вдругъ они увидѣли передъ собой человѣка необыкновенно скромнаго, простого, рѣшительно всѣмъ доступнаго, со всѣми ласковаго.

Надо замѣтить, что графъ Келлеръ вступилъ въ управленіе Екатеринославской губерніей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она начала уже переживать промышленный кризисъ, создавшій общее тревожное настроеніе и болѣе частые, чѣмъ когда либо, конфликты между властью и обывателемъ. Однако онъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что между нимъ и большею частью населенія сразу установились добрыя отношенія. Какъ онъ этого достигъ?

Исключительно путемъ сближенія съ обывателемъ. Графъ Ф. Э. никогда не держалъ себя, подобно большинству губернаторовъ, на неприступной высотѣ, никогда не замыкался въ тѣсный кругъ парадныхъ пріемовъ и выѣздовъ, а былъ такимъ же обыденнымъ прохожимъ екатеринославской улицы, какъ и всякій другой изъ горожанъ. Не рѣдкость было видѣть его красивую, стройную фигуру на Екатеринославскомъ проспектѣ.

Вотъ онъ идетъ по этой огромной улицѣ-бульвару одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ, пробираясь не спѣшной, легкой походкой среди, снующей взадъ и впередъ, разношерстной толпы и, какъ то конфузливо, уступая дорогу идущимъ мимо прохожимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, смотришь, онъ уже сидитъ въ одномъ изъ вагоновъ трамвая и ведетъ оживленную бесѣду съ какимъ нибудь простымъ человѣкомъ или базарной торговкой, которые, конечно, и не подозрѣваютъ, что рядомъ съ ними „первое въ губерніи лицо“*).

До какой степени доступенъ, простъ и добръ былъ графъ Келлеръ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта**).

Нѣкто К., студентъ московскаго университета, ѣхалъ на родину черезъ Екатеринославъ.

---

*) Воспоминанія Мирова. „Русское Слово“ 1904.

**) Изъ воспоминаній князя В. А. Щетинина «Истор. Вѣст.» 1904 г. Сентябрь.

Дорогой, уже подъѣзжая къ станціи „Екатеринославъ“, онъ вдругъ обнаружилъ у себя пропажу денегъ. Смотритъ у него не осталось ни копѣйки, а между тѣмъ ему предстоитъ еще очень далекій путь и по желѣзной дорогѣ и по морю. К. въ страшномъ затрудненіи, не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ выходитъ на вокзалъ, заявляетъ о случившемся, составили протоколъ... Но что-же дальше? Ѣхать-то вѣдь не съ чѣмъ!

— А вы вотъ что, баринъ,—посовѣтовалъ ему жандармскій унтеръ-офицеръ:—обратитесь къ нашему графу.

— Къ какому графу?

А къ графу Келлеру, здѣшнему начальнику губерніи: они примутъ участіе, помогутъ...

— Что вы?—возразилъ К.:—не могу же я просить у губернатора денегъ взаймы? Онъ велитъ меня выгнать вонъ...

Жандармъ оскаблился во весь ротъ: такъ ему показалось смѣшно и даже прямо ни съ чѣмъ не сообразно то, что онъ услыхалъ.

— Вы нашего графа не знаете,—сказалъ онъ наставительно и, помолчавъ немного, прибавилъ:—душевный человѣкъ!

Тщательно обдумавъ свое положеніе К. рѣшилъ, въ концѣ концовъ, послѣдовать совѣту жандарма.

И вотъ, стараясь побороть вполнѣ естественное въ данномъ случаѣ смущеніе, онъ несмѣлой поступью направился въ губернаторскій

Губернаторскій домъ въ Екатеринославѣ.

домъ, робко подалъ визитную карточку и попросилъ доложить о себѣ начальнику губерніи. Часъ былъ непріемный, тѣмъ не менѣе графъ

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА ім. Жовтневої Революції

Кр. № 126140/

Келлеръ принялъ студента тотчасъ-же, внимательно выслушалъ его, обласкалъ и, не дождавшись просьбы, самъ поспѣшилъ предложить ему денегъ на дорогу.

— Мнѣ очень совѣстно, извините,—сконфуженно лепеталъ К.

— Полноте, молодой человѣкъ, со всякимъ можетъ случиться —ободрялъ его графъ и, ласково трепля по плечу, проводилъ до самой лѣстницы.

Джентельменски вѣжливый и деликатный, въ то же время пылкій и увлекающійся собесѣдникъ, графъ Келлеръ производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Это былъ съ ногъ до головы человѣкъ, въ которомъ чиновникъ отсутствовалъ даже въ самой микроскопической дозѣ. Онъ не былъ чиновникомъ и при отправленіи служебныхъ обязанностей. Такъ, участвуя въ качествѣ предсѣдателя, въ работахъ екатеринославскаго губернскаго комитета о сельскохозяйственныхъ нуждахъ, графъ О Э. держалъ себя здѣсь, не какъ „органъ надзора", а какъ равноправный членъ собранія, принимавшій самое горячее участіе въ обсужденіи наиболѣе жгучихъ вопросовъ. Онъ то и дѣло произносилъ увлекательныя, страстныя рѣчи, кипѣлъ, волновался, однимъ оппонировалъ, другихъ поддерживалъ, стройно и послѣдовательно развивая ихъ мысли, старался высказать все, что наболѣло у него на душѣ, и въ горячихъ рѣчахъ графа, въ его отношеніи къ деревнѣ сказывался убѣжденный народникъ. Особенно горячо ратовалъ онъ за просвѣщеніе, считая его для русскаго народа дѣломъ огромной первостепенной важности. „Безграмотныхъ не должно быть совсѣмъ, они позорятъ страну"—не разъ говорилъ ораторъ, придававшій также весьма большое значеніе и внѣшкольному образованію, какъ средству ведущему къ наискорѣйшему устраненію позорнаго явленія безграмотности.

Не смотря на свои годы графъ Келлеръ поражалъ энергіей, жизнерадостностью и добрымъ взглядомъ. — Что я буду нить и скучать,— говорилъ онъ,—когда хорошо живется! Первые, еще глухіе симптомы надвигающейся войны заставили его однако скучать. Опостылили графу бумаги, и Скобелевская традиція заговорила.— Солдатъ долженъ быть на войнѣ!—повторялъ онъ.

— Да вѣдь войны то нѣтъ?—Будетъ! Манифестъ разразился громомъ и народныя массы заволновались. Начались патріотическія манифестаціи; всѣ переживали необыкновенный подъемъ народнаго духа. Гремѣло ура, гимнъ громко и побѣдно звучалъ на улицахъ, тысячи

людей двигались по улицамъ. Одна изъ такихъ манифестацій была устроена у графа подъ балкономъ. Онъ захотѣлъ выйти, но двери были по зимнему замазаны,—тогда онъ, по военному, мигомъ вышибъ дверь, проложивъ себѣ дорогу и вышелъ къ народу. Загремѣло ура. И графъ Кедлеръ высказалъ потомъ, что ему стыдно было оставаться мирнымъ губернаторомъ, въ то время, когда потоками льется кровь. Онъ помчался въ Петербургъ. Тамъ онъ цѣлыми днями, затянутый въ мундиръ, просилъ, чтобы его назначили въ дѣйствующую армію. Противъ этого возставали, ссылаясь на то, что графъ отсталъ, не въ курсѣ современнаго военнаго дѣла. Графъ заметался. Онъ нѣсколько разъ возвращался въ Екатеринославъ, сидѣлъ задумчивый и печальный, потомъ телеграфировалъ, молилъ...

3-го февраля графъ телеграфировалъ генералъ—адъютанту Куропаткину:

„Если Ваше Высокопревосходительство считаете меня еще годнымъ къ боевому дѣлу, хотя бы какъ пушечное мясо, убѣдительно прошу о назначеніи начальникомъ стрѣлковой бригады или на какую угодно иную строевую должность независимо отъ іерархіи."

Не получая отвѣтной телеграммы графъ 7-го февраля посылаетъ слѣдующее письмо Генералу Куропаткину: *„Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Позволяю себѣ обратиться къ человѣку съ которымъ я въ теченіи многихъ лѣтъ былъ близокъ и во имя нашихъ прежнихъ отношеній и связывающихъ насъ воспоминаній, прошу не отказать, если даже не въ исполненіи ходатайства, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ лаконическомъ отвѣтѣ: надѣяться ли мнѣ или нѣтъ. Могу Васъ увѣрить, что за исключеніемъ описаннаго случая, когда я 4 года тому назадъ просилъ о временномъ оставленіи меня директоромъ Полтавскаго Кадетскаго корпуса и просилъ безуспѣшно, я за 38 лѣтъ моей службы никогда съ просьбою по своему личному дѣлу къ начальству не обращался. Это сознаніе до настоящаго времени составляло мою гордость, мое* point d'honneur. *Мнѣ тяжело сегодня отъ этого принципа отказаться, но въ данныхъ обстоятельствахъ руководствоваться самолюбіемъ было бы, по моему убѣжденію, не только глупо, но и грѣшно. Претендовать на какое нибудь назначеніе, соотвѣтствующее моему чину, я не имѣю ни права, ни желанія, но думаю, что я еще и физически и духовно достаточно бодръ, чтобы хотя бы какъ пушечное мясо не посрамить арміи. Жизнью я не дорожу, карьеристомъ*

никогда не былъ и влечетъ меня вовсе не жажда отличій. Сочту за счастье быть поставленнымъ подъ команду кого угодно, какъ бы это лицо моложе меня по службѣ ни было и даю вамъ слово, что жалобъ на меня за недостатокъ подчиненія съ моей стороны такому начальнику или нежеланіе признавать его авторитетъ вы не услышите. Я понимаю насколько вы теперь заняты и какъ докучливы, а можетъ быть и неумѣстны, личныя обращенія, подобныя настоящему, но можетъ быть во имя прошлаго вы мнѣ простите".

26-го февраля наконецъ получена отъ генерала Куропаткина телеграмма: „*Крайне сожалѣю, что не пришлось видѣть васъ въ Петербургѣ. Уже ранѣе просилъ генералъ-адъютанта Сахарова считать васъ ближайшимъ кандидатомъ въ начальники дивизіи, назначаемыя въ Манчжурскую армію или Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ бригадъ, преимущественно въ ближайшемъ будущемъ въ дивизіи.* Вслѣдъ за этимъ состоялось назначеніе графа... Графа Келлера нельзя было узнать. Онъ помолодѣлъ, голосъ его зазвучалъ снова радостно...

13-го марта графъ Оеодоръ Эдуардовичъ, будучи назначенъ въ распоряженіе военнаго министра (впредь до командированія на Дальній-Востокъ), покинулъ Екатеринославъ и городское населеніе устроило ему небывалые по сердечности проводы.

Блестящіе парадные мундиры военныхъ, золотомъ шитые мундиры гражданскихъ вѣдомствъ, пестрящіе кантами всѣхъ цвѣтовъ, черные фраки частныхъ лицъ, туалеты дамъ,—все это, освѣщаемое яркимъ свѣтомъ весенняго солнца, давало эффектную картину большого зала городского дома, въ которомъ собрался 12 марта, наканунѣ отъѣзда графа, въ 2 ч. дня весь городъ, чтобы проститься съ любимымъ начальникомъ губерніи, оставляющимъ ихъ навсегда. Публика запрудила залъ и двери.

Въ 2 ч. дня прибылъ графъ Ѳ. Э. Келлеръ и прошло болѣе четверти часа, пока онъ дошелъ до своего мѣста, въ переднемъ углу зала, направо и налѣво обмѣниваясь рукопожатіями съ присутствующими.

Послѣ молебствія, совершеннаго причтомъ каѳедральнаго собора, началось чтеніе адресовъ, продолжавшееся около 2-хъ часовъ.

Первымъ былъ прочитанъ городскимъ головой отъ города слѣдующій адресъ: „*Ваше Сіятельство, глубокоуважаемый графъ Оеодоръ Эдуардовичъ! Война отнимаетъ васъ у города Екатеринослава. Разста-*

вамъ, граждане не могутъ не вспомнить прожитое съ вами время. Четырехлѣтнее ваше управленіе губерніей, ваша дѣятельность на пользу города останутся навсегда памятными, навсегда замечательными въ его исторіи. Помимо вашего, всегда справедливаго руководительства въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ той или иной мѣрѣ прикосновенныхъ къ городу, едва ли осталась хотя бы одна отрасль городского хозяйства, городской общественной жизни, гдѣ бы не проявилась ваша инициатива и забота, не положены были бы ваши труды. И что важно, что особенно цѣнно въ вашей дѣятельности, это искреннее, горячее стремленіе работать, желаніе принести возможно большую пользу ввѣренному вашему попеченію населенію. Наряду съ этимъ вы съ живымъ участіемъ вникали въ нужды каждаго, кто обращался къ вамъ, и ваша доступность, ваше гуманное отношеніе, ваша сердечность привлекали къ вамъ всѣхъ окружающихъ.

Ваше Сіятельство! Пребываніе ваше въ Екатеринославѣ будетъ свѣтлой полосой въ его жизни, и благодарные граждане всегда помянутъ васъ добрымъ словомъ. Но этого мало! Мало того, что граждане будутъ васъ добромъ помнить,—они будутъ вами гордиться. Просвѣщенные, дѣятельные и полезные губернаторы въ Екатеринославѣ были, но доблестныхъ, отличившихся въ бояхъ воиновъ, доброй волей идущихъ на новый бой съ врагомъ,—такихъ губернаторовъ не было. Вы истинный ратникъ земли Русской! Въ мирное время, по приказу Царя, вы мирно правите земскими людьми, въ годину брани—беретесь за мечъ и становитесь защищать грудью Родину. Екатеринославцы преклоняются передъ вашимъ геройскимъ подвигомъ.

Городъ Екатеринославъ благословляетъ васъ иконою Христа—Спасителя и напутствуетъ горячими къ небу мольбами. Да сохранитъ онъ, Всемогущій, ваше здравіе, вашу крѣпость духа! Да осѣнитъ васъ своею десницею и защититъ отъ бѣдствій, и да поможетъ вамъ побѣдоносно поражать врага.

Адресъ былъ заключенъ въ роскошную папку, на крышкѣ которой находилась серебряная фигура Славы съ вѣнкомъ въ рукахъ.

Затѣмъ губернскій предводитель дворянства, отъ имени сослуживцевъ губернскаго присутствія, произнесъ слѣдующую рѣчь. „*Искренно почитаемый Графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ! Надвинулась неожиданно грозная туча, и при первомъ звукѣ боевой тревоги крѣпко забі-*

лось ваше сердце уже испытаннаго доблестнаго воина. Васъ неудержимо повлекло на поле брани, туда, гдѣ проливается кровь за Россію, и вы, не колеблясь, отказались отъ мирной дѣятельности, отказались отъ управленія нашей губерніей.

Передъ близкой грустной разлукой бывшіе ваши сослуживцы по губернскому присутствію уполномочили меня выразить вамъ чувства искренняго жгучаго ихъ сожалѣнія, что съ уходомъ вашимъ, они лишаются достойнѣйшаго и любимаго предсѣдателя. Съ первыхъ шаговъ вашей неутомимой среди насъ работы вы вселили твердое убѣжденіе, что вы особенно цѣните энергичный, настойчивый трудъ и серьезное, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Своимъ примѣромъ больше всего вы побуждали вашихъ сослуживцевъ къ неуклонному живому исполненію служебнаго долга, уважая въ нихъ всегда достоинство человѣка и труженика, вмѣстѣ съ тѣмъ чаруя ихъ своею лаской, своею любезностью, своимъ обращеніемъ. Другая, не менѣе привлекательная черта вашего управленія, уже отмѣченная въ адресѣ отъ города и вызвавшая всеобщую къ вамъ симпатію и любовь—это широкая доступность, это та постоянная готовность, то сердечное участіе, съ которымъ вы старались помочь каждому, кто обращался къ вашей защитѣ и покровительству. Въ лицѣ вашемъ мы пріучили насъ видѣть представителя власти, цѣнившаго ее по столько лишь, по скольку обладаніе ею необходимо и полезно для служенія дѣлу, а не для суетныхъ и тщеславныхъ цѣлей. Когда исполнители Царскихъ повелѣній умѣютъ отдать себя, вложить всю душу въ исполненіе ввѣреннаго имъ дѣла, когда они умѣютъ сразу понять и проникнуть весь глубокій смыслъ возложенной на нихъ задачи, то быстрый и блестящій успѣхъ ея выполненій, несомнѣнно, обезпеченъ. Мы ближайшіе ваши сотрудники, съ увѣренностью можемъ сказать, что качества эти присущи вамъ, дорогой графъ, и эта увѣренность, а также сознаніе, что ваши блестящія дарованія нужны теперь для пользы родины на другомъ поприщѣ, послужатъ для насъ хотя нѣкоторымъ облегченіемъ той душевной раны, которую вы причиняете намъ, оставляя свое среди насъ служеніе. Теперь мы должны разстаться. Мы сроднились съ вами. Вы уносите съ собой часть нашего сердца! Глубоко отечаленнымъ позвольте напутствовать васъ своимъ благословеніемъ. Да сохранитъ васъ Господь, да ниспошлетъ Онъ вамъ силы и крѣпость для будущихъ новыхъ вашихъ подвиговъ!".

Далѣе слѣдовали рѣчи: предсѣдателя окружного суда отъ имени судебнаго вѣдомства, начальника Екатерининской желѣзной дороги

отъ чиновъ министерства путей сообщенія, члена губернской земской управы, предсѣдателя уѣздной земской управы, Александровскаго городского головы, директора высшаго горнаго училища, директора 2-го реальнаго училища, директора коммерческаго училища, прочитаны адресы отъ просвѣтительнаго общества имени Н. В. Гоголя, отъ Мануйловской волости, отъ общества попеченія о дѣтяхъ, отъ ученой и архивной комиссіи, отъ научнаго общества, и мног. другихъ.

Всѣ рѣчи и адреса покрывались аплодисментами. Управляющій губерніей закончилъ рядъ привѣтствій чтеніемъ телеграммы отъ бахмутскаго уѣзднаго съѣзда, присоединивъ свой голосъ къ хору наилучшихъ пожеланій уѣзжающему графу. Тронутый до слезъ всѣми привѣтствіями, графъ Ѳ. Э. Келлеръ отвѣтилъ на нихъ слѣдующей рѣчью: „*Что я скажу? Какъ мнѣ отвѣтить на тѣ горячія симпатіи которыя были мнѣ высказаны? Сказать, что я много, сердечно благодаренъ,—это очень мало. Я понимаю, что оцѣнка моей дѣятельности преувеличена нѣкоторымъ повышеннымъ чувствомъ, что ко мнѣ вы господа, лучше относитесь потому, что я ухожу въ святую минуту, я ухожу въ то время, когда всѣ помыслы наши тамъ на войнѣ, съ нашими доблестными войсками, и вы, провожая меня, высказывая рядъ добрыхъ пожеланій, относите ихъ во многомъ къ тому доброму дѣлу, которому я иду служить. Но и то обстоятельство, что эти ваши лучшія чувства относятся не исключительно ко мнѣ, меня радуетъ.*

Я ясно сознаю, что многое, поставленное мнѣ въ заслугу, мною не заслужено; оно относится ко мнѣ лишь въ нѣкоторой части, какъ къ представителю или главѣ того или иного учрежденія, и что большую часть этихъ заслугъ надо отнести на счетъ моихъ помощниковъ, какъ главныхъ работниковъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, меня радуетъ то сочувствіе родному дѣлу, которое вы сейчасъ высказали. Въ такія минуты ошибки забываются и подчеркивается все хорошее. И теперь всѣ вы, господа, подчеркнули только то хорошее, что вы увидѣли въ моей работѣ за время моего управленія губерніей. Спасибо вамъ! Не всякому дано переживать такія минуты, а кто ихъ переживетъ тотъ ихъ никогда не забудетъ. Я уѣзжаю съ наилучшими чувствами къ Екатеринославу. Спасибо вамъ, спасибо!“.

Графъ отвѣсилъ низкій поклонъ.

Раздались дружные аплодисменты и крики „ура".

Затѣмъ хоръ исполнилъ дважды народный гимнъ, покрытый громовымъ „ура" присутствующихъ.

Напутствуемый искренними пожеланіями графъ отбылъ въ началѣ 5 часа дня изъ думскаго зала. Отъѣздъ графа Ѳеодора Эдуардовича былъ назначенъ на другой день въ 6 ч. вечера.

Уже съ 3 часовъ дня 14-го марта возлѣ губернаторскаго дома стала собираться толпа народа, хотѣвшаго въ послѣдній разъ взглянуть на любимаго начальника губерніи, оставляющаго свой мирный постъ для тревожной военной жизни.

Когда графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ показался на улицѣ раздалось привѣтственное „ура", которое сопровождало его во время всего пути.

Графъ благодарилъ всѣхъ за сердечное отношеніе къ нему.

По улицамъ, разцвѣченнымъ флагами, двигались въ это время по направленію къ вокзалу толпы народа, которыя заняли все свободное пространство передъ зданіемъ вокзала. Всѣ вагоны трамвая были переполнены публикой.

Противъ парадныхъ комнатъ вокзала находились два хора музыки полковой и коммерческаго училища.

Около 6 часовъ вечера на вокзалъ прибылъ графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ.

Оркестры грянули „встрѣчу", графъ прощался со всѣмъ народомъ.

Въ парадныхъ комнатахъ вокзала собрались провожающіе.

Была такая масса народу, что, въ буквальномъ смыслѣ слова, негдѣ было яблоку упасть. На платформѣ передъ составомъ экстреннаго поѣзда была устроена грандіозная манифестація.

Оркестромъ учениковъ коммерческаго училища былъ многократно повторенъ гимнъ „Боже Царя Храни" подъ громовые раскаты „ура".

Графъ Ѳ. Э. взойдя въ салонъ—вагонъ раскланивался съ публикой въ открытую дверь и нѣсколько разъ повторялъ: „спасибо, господа, спасибо! Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Прощайте!.

Въ 6 ч. 20 м. вечера поѣздъ, увозившій графа навсегда изъ Екатеринослава, тихо двинулся въ путь подъ звуки марша и громовые клики „ура“. Народъ долгое время бѣжалъ за поѣздомъ.

Графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ всего одного мѣсяца не дослужилъ до четырехлѣтняго губернаторства въ Екатеринославѣ. Это настолько значительный періодъ времени, что можно безошибочно дать характеристику графа, какъ представителя высшей административной власти.

Гласъ народа—гласъ Божій, и въ этомъ смыслѣ наша задача блестяще разрѣшается тѣми многочисленными представителями разныхъ слоевъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, которые, провожая графа, сочли своимъ непремѣннымъ долгомъ характеризовать административную дѣятельность графа.

И если сгруппировать отзывы всѣхъ адресовъ и рѣчей, то невольно бросаются въ глаза такія черты, которыя выдвигаютъ графа въ ряды выдающихся административныхъ дѣятелей.

Вотъ эти черты: свѣтлый умъ, схватывающій на лету суть всякаго дѣла, доброе и благородное сердце, рыцарская вѣжливость, доступность и привѣтливость въ отношеніи ко всѣмъ, кто къ нему обращался, смѣлый и рѣшительный характеръ, чуждый колебаній и неключающій „шатаніе мысли“.

Эти черты характера и способствовали тому, что графъ до прибытія въ Екатеринославъ, совершенно новый человѣкъ въ сложномъ и запутанномъ мірѣ гражданскаго управленія, сразу сталъ на твердый путь.

Онъ откровенно, съ прямотой военнаго человѣка, сознавался, что онъ не знатокъ гражданскихъ законовъ, но вѣря въ ихъ незыблемость, онъ угадывалъ ихъ по присущему честному человѣку чувству правды и это чувство было настолько вѣрнымъ компасомъ въ морѣ житейскихъ крупныхъ и мелкихъ явленій, что графъ всегда находилъ вѣрный выводъ изъ всякаго затрудненія.

Бывали, напримѣръ, случаи, что въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія графъ оставался одинъ при своемъ мнѣніи о томъ или иномъ дѣлѣ, и въ этомъ случаѣ, какъ оказывалось по рѣшеніямъ правительствующаго сената, графъ былъ правъ.

Предсѣдательствуя на засѣданіяхъ, графъ Ѳеодоръ Эдуардовичъ никому не навязывалъ своего мнѣнія и нерѣдко отказывался отъ него, если ему доказывали справедливость мнѣнія противоположнаго: у него, не было того ложнаго самолюбія, которое часто заставляетъ людей придерживаться своего невѣрнаго взгляда только потому, что онъ уже высказалъ его, въ особенности—предъ подчиненными.

Ни одна бумага не обходилась безъ собственноручной резолюціи графа; часто резолюціи были длиннѣе самой бумаги, и неизмѣнно въ нихъ встрѣчаются выраженія: „мнѣ казалось“, „я думаю“, „мнѣ кажется“ и проч. иллюстрирующія необыкновенную деликатность графа въ отношеніи подчиненныхъ и затѣмъ его необыкновенную способность.

Работалъ графъ очень много. Часто, когда весь губернаторскій домъ былъ погруженъ во мракъ, далеко за полночь видѣнъ былъ свѣтъ въ окнѣ рабочаго кабинета графа,—здѣсь въ ночной тишинѣ графъ вникалъ въ доклады и разбирался въ сложныхъ „перепискахъ“ и „дѣлахъ“. Изъ наиболѣе выдающихся дѣлъ графа назовемъ слѣдующія: *охрана сельскихъ имѣній отъ грабежей и разбоевъ, организація юридической помощи населенію въ попечительствахъ народной трезвости, организація періодическихъ съѣздовъ начальниковъ полиціи. организація съѣзда земскихъ начальниковъ, широкое участіе въ дѣлахъ благотворительности и, между прочимъ, реорганизація дѣла попеченія о дѣтяхъ, широкое покровительство городамъ въ смыслѣ удовлетворенія ихъ ходатайствъ въ отношеніи благосостоянія и благоустройства, живѣйшее участіе въ постройкѣ второй Екатерини-*

ской желѣзной дороги, неизмѣнное покровительство распространенію просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, число которыхъ въ губерніи за 4 года почти удвоилось и проч. и проч.

Трудно прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность графа Ѳеодора Эдуардовича, но мы не впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что графъ Ѳ. Э. Келлеръ былъ выдающимся администраторомъ.

Ворота по дорог ѣ изъ Холушоу въ Ломогоу, чрезвычайно интересныя по постройкѣ и нависанію на нихъ. 13 іюня 1904 г. въ день совершенія графомъ О. Э. перехода въ 114 верстъ въ одинъ сутки.

Въ далекой Манчжуріи. Смерть героя. Печальные дни въ Екатеринославѣ.

А Вы, ратоборцы за русскую честь,
Герои великой защиты!
Хвала вамъ! Отчизнѣ-то насъ не забыть:

Вы честно родной послужили,
И что человѣку возможно свершить,
Могучіе все вы свершили!

Изъ стих. М. П. Розенгейма.

рафъ О. Э. Келлеръ по прибытіи въ Манчжурію надѣялся получить дивизію, но генералъ Куропаткинъ, командующій манчжурской арміей, хорошо знавшій его боевое прошлое—такъ какъ оба они были во время русско-турецкой войны у Скобелева, назначилъ его, вмѣсто генерала Засулича, начальникомъ всей Восточной арміи. Графъ заявлялъ, что онъ не ожи-

лалъ получить сразу столь отвѣтственное назначеніе и не зналъ на сколько ему удастся оправдать высокое къ нему довѣріе. Его смущала

Графъ О. Э. Келлеръ и его штабъ.

не предстоящая боевая дѣятельность, а сложность отношеній съ новыми для него лицами, къ которымъ онъ сталъ, какъ снѣгъ на голову, въ сложный тяжелый моментъ военныхъ дѣйствій: мы въ это

Видъ въ Хахангоу. Районъ Восточнаго отряда.

время отступали послѣ тюренченскаго боя и ожидали быстраго наступленія японцевъ на Ляоянъ и Мукденъ, не имѣя еще достаточно вой-

ска, чтобы противостоять имъ. Съ особеннымъ восторгомъ встрѣтили графа Келлера войска Восточнаго отряда послѣ тюренченскаго боя, когда онъ съ непокрытой головой объѣзжалъ ряды ихъ. Въ продолженіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ графъ Келлеръ, начальствуя сравнительно небольшими силами, сдерживалъ наступленіе всей арміи Куроки, наиболѣе многочисленной изъ японскихъ армій. Дѣйствія Восточнаго отряда, въ общемъ, были весьма успѣшны потому, что хотя превосходствомъ силъ мы и были оттѣснены, но наше отступленіе стоило дорого непріятелю. Каждый свой шагъ впередъ онъ принужденъ былъ оплачивать тяжкими потерями и не разъ не смогъ поставить русскій отрядъ въ критическое положеніе. Еще наканунѣ боевъ подъ Ташичао, когда обстановка до крайности затемнилась и сдѣлалась почти загадочной, умѣло руководимая графомъ усиленная рекогносцировка выяснила присутствіе всей арміи Куроки противъ нашего лѣваго фланга и помогла генералу Куропаткину ориентироваться.

Въ районѣ Восточнаго отряда.

Ведя непрерывный бой съ арміей Куроки графъ Оедоръ Эдуардовичъ собственнымъ примѣромъ, появляясь всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, воодушевлялъ войска, показывая имъ какъ исполняется долгъ воина. Его безстрашіе вошло въ пословицу и получило новое подтвержденіе 18-го іюля, когда, избравъ себѣ пунктомъ наблюденія за боемъ наиболѣе обстрѣливаемую батарею, онъ палъ смертельно раненый вражескимъ снарядомъ.

Отрядный командиръ Восточнаго отряда, графъ Комаровскій, на просьбу редактора „Приднѣпровскаго Края“ сообщить подробности о кончинѣ графа Келлера, телеграфировалъ: „*18 іюля утромъ на Янзелинской позиціи начался бой. Графъ Келлеръ, сѣвъ на лошадь, съ штабомъ поѣхалъ осматривать батареи. При приближеніи къ третьей батареѣ, гдѣ сосредоточился жестокій огонь пяти непріятельскихъ батарей, графъ былъ предупрежденъ объ опасности, но, махнувъ рукой, съ свойственной ему беззавѣтной храбростью пошелъ открыто вдоль бруствера. Поравнявшись съ батареей, мы услышали страшный взрывъ и, сквозь дымъ и облако пыли, увидѣли любимаго начальника въ крови, неподвижно лежавшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Изъ шести лицъ, сопровождавшихъ его, никто не былъ задѣтъ, весь снарядъ попалъ въ графа, причинивъ ему 36 смертельныхъ ранъ. Съ величайшимъ трудомъ подъ непрерывнымъ шрапнельнымъ огнемъ вынесли тѣло, которое 23 іюля и отправлено въ зарайскій уѣздъ. Кончина всѣми любимаго графа глубоко опечалила весь отрядъ*“.

Сестра убитаго графа Келлера, графиня М. Э. Клейнмихель, получила отъ командующаго манчжурской арміей, генералъ-адъютанта Куропаткина, слѣдующую телеграмму: „*Братъ вашъ умеръ героемъ. При смерти его находились: начальникъ штаба отряда полковникъ Орановскій и ординарецъ покойнаго хорунжій 1-го Нерчинскаго полка. Ѳеодоръ Эдуардовичъ, выбравшій, по обыкновенію, самое опасное мѣсто для руководства боемъ, былъ пораженъ шрапнелью, разорвавшеюся вблизи его 36 пулями. Безъ сознанія пробылъ нѣсколько минутъ. Потеря эта для всѣхъ*

насъ, знавшихъ покойнаго и крѣпко любившихъ его,—тяжелая; потеря эта незамѣнима и для арміи".

Одинъ изъ очевидцевъ *) сообщаетъ подробности о смерти графа Келлера: „Тяжело было потерять дорогого начальника и симпатичнаго собесѣдника, оживлявшаго, своимъ общительнымъ характеромъ и всесторонней образованностью, тѣсный кружокъ его штаба. Всегда въ бою, впереди своего отряда, въ цѣпи разсыпавшихся стрѣлковъ, графъ Келлеръ представлялся олицетвореніемъ мужества и отваги. Уже нѣсколько дней стоялъ нашъ штабъ въ с. Ню-тхи-ай, имѣя съ фронта и фланговъ позиціи, готовыя дать отпоръ наступающему врагу. Кромѣ стычекъ и перестрѣлокъ въ передовыхъ частяхъ, дѣлъ небыло никакихъ; видимо, японцы собирались съ силами, чтобы двинуться впередъ; они всегда подготовляютъ наступленіе нѣсколько дней и тогда почти навѣрняка идутъ, пользуясь преимуществомъ большого перевѣса въ силахъ. Еще числа 15-го китайскіе лазутчики предупреждали о предполагавшемся наступленіи, и начальникъ отряда дни и ночи проводилъ на позиціи, подготовляя ее для обороны. Вернувшись какъ то съ утомительной двухдневной развѣдки, я узналъ, что графъ Келлеръ ожидаетъ меня на позиціи. Перемѣнивъ коня, я на свѣжемъ поскакалъ къ перевалу, гдѣ встрѣтилъ графа, только что возвращавшагося съ батареи. Съ нимъ были подполковникъ генеральнаго штаба Хростицкій и сотникъ Нарышкинъ. Всѣ мы размѣстились въ двухъ маленькихъ палаткахъ раскинутыхъ подъ деревьями возлѣ небольшой деревушки. Сѣли ужинать. Графъ въ разговорѣ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о смерти на войнѣ. Ему очень понравился мой взглядъ, что въ жизни человѣка много шансовъ умереть, такъ что и на войнѣ мы рискуемъ, въ сущности очень мало,—процентъ добавочныхъ шансовъ весьма не великъ. Лишь непривычная обстановка вноситъ въ насъ излишній страхъ смерти, менѣе проявляющійся въ обыденной жизни. Вообще, жизнь очень слабо держится въ насъ,—сказалъ я. Да, да,—задумчиво произнесъ графъ, —сколькихъ случайностей долженъ избѣгнуть человѣкъ, чтобы прожить извѣстное число лѣтъ! Какъ часто минуемъ мы смерти, совершенно не сознавая этого!.... Послѣ ужина мы легли.

---

*) П. Ф. Лашъ.

Ночью я проснулся отъ звука голосовъ; оказывается, японцы напали на наши заставы и тѣснятъ ихъ, повидимому, переходя въ наступленіе. Графу читали донесеніе объ этомъ. Я снова уснулъ, но не надолго,—въ 4 часа меня разбудили, говоря, что начальникъ отряда встаетъ. Была слышна ружейная трескотня. Въ 6 часовъ раздался первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ—второй, третій, и началась адская канонада. Графъ поскакалъ на позицію: сначала къ правому флангу, а потомъ—къ лѣвому. Одинъ за другимъ стали появляться раненые,—кто уже перевязанный, кто такъ; раны большею частью въ голову или руку—это шрапнельный огонь по траншеямъ. Появился начальникъ транспорта для перевозки раненыхъ; оживились перевязочные пункты. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ начальникъ штаба—полковникъ Орановскій—и прочіе чины штаба. Вся кавалькада понеслась туда, гдѣ слышалась ружейная трескотня. Въ полдень пальба слегка притихла.

Мы снова поѣхали на батареи. Графъ Келлеръ приказалъ накормить людей или, по крайней мѣрѣ, напоить ихъ чаемъ.

Объѣзжая позицію, мы доѣхали до горной батареи, расположенной у гребня крутой горы.

Отсюда прекрасно видны были сопки, занятыя непріятелемъ. Наведенныя орудія стояли въ окопахъ. Влѣво съ нашей батареи вилась тропа: сначала спускавшаяся по скату, а затѣмъ переходившая черезъ совершенно открытый перевалъ на новую гору, гдѣ расположилась, такъ называемая, амбразурная батарея. Начальникъ отряда приказалъ вести туда нашихъ коней, такъ какъ невозможно было ѣхать, да и цѣль была слишкомъ замѣтная. Длинною змѣйкою тянулись лошади въ поводу, одна за другой появляясь въ перевалѣ и спускаясь по другую сторону. Обойдя стрѣлковый окопъ, мы пошли къ перевалу.

Было два часа, и началась канонада, всегда усиливающаяся послѣ обѣденнаго перерыва.

Надъ переваломъ зловѣще пронесся съ свистящимъ рокотомъ снарядъ и пролетѣлъ куда-то влѣво. Второй прошумѣлъ еще ближе.

Было ясно, что по намъ открыли огонь. Кое кто обратился къ графу, убѣждая его не ходить къ батареѣ. Чувствовалось что то зловѣщее и тяжелое. Генералъ остановился на мгновеніе, затѣмъ махнулъ

рукой и пошелъ впередъ своей размашистой гордой походкой. Убѣждать далѣе его было безполезно да и никому не хотѣлось навлечь на себя подозрѣніе въ недостаткѣ мужества.

Одинъ за другимъ пройдя перевалъ, стали мы спускаться по совершенно открытому скату, направленному къ сторонѣ японцевъ. Впереди шелъ графъ, вплотную за нимъ—полковникъ Оракій, далѣе—я и прочіе за мною,—всѣ гусь-

комъ. Вправо расположилась къ окопахъ батарея, отвѣчавшая бѣглымъ огнемъ на огонь противника. Было что-то стихійное въ этомъ шумѣ и въ суетливой работѣ, происходившей на нашихъ глазахъ. Громко ревѣли наши скорострѣльныя орудія. Со злымъ шорохомъ проносились

шрапнели японцевъ и ихъ бризантныя гранаты, съ громкимъ трескомъ взрывавшія столбы пыли и земли изъ глубокихъ воронокъ, вырытыхъ ихъ ударами. Вдали, внизу, у лѣса, на скатѣ горы, верстахъ въ 4-хъ, вспыхивали дымки, какъ бѣлые шарики, указывавшіе мѣста разрывовъ нашихъ шрапнелей. На батареѣ суетливо заряжали орудія, и „номеръ", присѣдая, дергалъ за шнуръ, послѣ чего снопъ огня вырывался изъ дула, тѣло орудія отскакивало на салазкахъ назадъ, раздавался страшный ревъ, отъ котораго всѣ вздрагивали болѣе чѣмъ отъ разрыва непріятельскаго снаряда.

Офицеръ, подавая команду, хватался руками за голову, прикрывая ладонями уши. „Номеръ", низко пригнувшись, бѣгомъ подносилъ изъ блиндажа снаряды. Трескъ, шумъ, шорохъ и визгъ снарядовъ, пыль и дымъ,—все это заставляло забывать страхъ смерти и только странно ноющимъ чувствомъ отдавало въ душѣ. Самое малое мгновеніе слышенъ шумъ подлетающаго снаряда, и тотчасъ же за нимъ слышенъ его взрывъ. При этомъ звукѣ такъ и тянетъ присѣсть за брустверъ, идущій вдоль батареи.

Графъ шелъ, ненаклоняясь. Нельзя было и намъ наклоняться. Всѣ мы шли, повидимому, спокойно. Все ближе и ближе рвутся шрапнели.

Вдругъ, вслѣдъ за шорохомъ шрапнели послышался трескъ и взрывъ по брустверу возлѣ графа.

Вспышка огня. Пахнуло горячимъ воздухомъ и пылью. Графъ падаетъ лицомъ впередъ, за нимъ падаетъ полковникъ Орановскій и присѣдаетъ Хростицкій. Одно мгновеніе мы остаемся безъ движенія. Явилась мысль: „Неужели убитъ? Что теперь будетъ?" Въ эту тяжелую секунду проносится множество картинъ.... Вотъ поднимается Орановскій. Мы подскакиваемъ къ графу. Глазамъ представилась страшное, невѣроятное зрѣлище: тотъ, кто только что такъ гордо и смѣло шелъ подъ огнемъ, презирая смерть, лежалъ безъ движенія, лицомъ къ землѣ, раскинувъ руки и подвернувъ ноги. Вмѣсто глаза, зіяетъ кровавое отверстіе, грудь взорвана, и на ней, плечахъ и рукахъ—куски кроваваго мяса. Что то тяжелое, ужасное сдавило голову. Глухо отзывались взрывы шрапнели въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Все ближе ложатся снаряды. Въ палаточномъ лотницѣ несутъ тѣло любимого начальника; въ глаза бросаются его

красные лампасы и ужасныя раны на головѣ. Невозможно сразу отдать себѣ отчета въ происшедшемъ. Кажется, что это былъ только сонъ,—даже не сонъ, а кошмаръ, давящій настоящимъ и заставляющій недоумѣвать передъ будущимъ.

На тѣлѣ покойнаго было 36 ранъ шрапнельными пулями, проломъ грудной клѣтки дистанціонной трубкой снаряда, разорвавшагося въ одномъ шагѣ отъ убитаго".

Въ личномъ составѣ команднаго персонала манчжурской арміи не стало генерала, на котораго всѣ смотрѣли со свѣтлою надеждою и глубокой вѣрой.

Рожденный для войны, съ сердцемъ, полнымъ рыцарской доблести, беззавѣтной храбрости, искренней, горячей любви къ военному дѣлу и отеческой заботливости къ своимъ подчиненнымъ, онъ окончилъ свои дни на полѣ брани подъ грозный рокотъ кроваваго боя, отдавъ послѣднее біеніе своего сердца Россіи....

Графъ Федоръ Эдуардовичъ

КЕЛЛЕРЪ.

Начальникъ Восточнаго отряда Манчжурской арміи, бывшій Екатеринославскій Губернаторъ, въ 3 часа 20 мин. по полудни 18-го сего Іюля скончался отъ ранъ, полученныхъ въ бою на Янзелинскомъ перевалѣ.

Всѣ желающіе вознести молитвы объ упокоеніи, душу свою за Вѣру, ЦАРЯ и Отечество положившаго, доблестнаго воина приглашаются пожаловать на панихиду въ Среду, 21-го сего Іюля, въ 12 часовъ, въ залѣ Городской Думы.

Изъ газетныхъ объявленій.

По полученіи въ Екатеринославѣ скорбной телеграммы, въ думскомъ залѣ была отслужена панихида по умершемъ графѣ Θеодорѣ Эдуардовичѣ. Какая безъисходная тоска охватывала всѣхъ на панихидѣ объ упокоеніи его души!

Эта молитва возносилась въ томъ самомъ залѣ, гдѣ еще такъ недавно всѣ екатеринославцы, гордясь своимъ графомъ, провожали его на доблестную службу Родинѣ.

И тогда, какъ теперь, залъ былъ полонъ представителями разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Но какая разница. Рѣчи, привѣтствія, адреса, благія пожеланія тогда и мерцаніе свѣчей, запахъ ладана и скорбная молитва теперь. Панихиду служили священники всѣхъ городскихъ церквей. Молящіеся наполняли главный залъ, аванъ залъ, пріемную и хоры.

Сегодня, въ 10 часовъ, послѣ утренняго молебствія, въ караимской синагогѣ будетъ отслужена панихида по безвременно скончавшемся

графѣ ΘЕОДОРѢ ЭДУАРДОВИЧѢ

КЕЛЛЕРѢ.

...n die ergebenste Anzeige, dass un...

...elgeehrter, vielgeliebter

...raf THEODOR KELLER,

gewesener Gouverneur zu Iekaterinoslaw, Chef der auf dem Kriegsschauplatze operierenden Ost-Armee, am 18. d. M. tödlich verwundet noch am selbigen Tage um 3 Uhr 20 Minuten nachmittags verschied. Die übliche Trauerandacht wird heute um 10½ Uhr vormittags in der Evangelisch Luther'schen Kirchen abgehalten werden.

[illegible]

Изъ газетныхъ объявленій.

Улица передъ городскимъ домомъ была также запружена народомъ. Въ тотъ же самый день и затѣмъ и въ остальные дни вплоть до по-

хоронъ графа совершались панихиды въ губернаторскомъ домѣ, дѣтскомъ пріютѣ, въ екатеринославскомъ клубѣ, мастерской бѣдныхъ женщинъ имени графини Маріи Александровны Келлеръ, клубѣ русскихъ прикащиковъ, въ лютеранской церкви, римско-католическомъ костелѣ, еврейской и караимской синагогахъ и во многихъ учрежденіяхъ и общественныхъ собраніяхъ.

Лишь только получено было извѣстіе о смерти графа Келлера въ Зарайскѣ, громадная толпа крестьянъ, сосѣдей по имѣнію покойнаго, оставивъ полевыя работы, отправились въ свой приходской храмъ и отслужили панихиду по убитомъ героѣ.

Трудно себѣ представить болѣе трогательное зрѣлище какъ эта „мірская панихида". Стоя всю панихиду на колѣняхъ крестьяне искренно плакали по безвременно скончавшемся графѣ, снискавшемъ общую любовь своею широкою, хотя и не бившею въ глаза, благотворительностью.

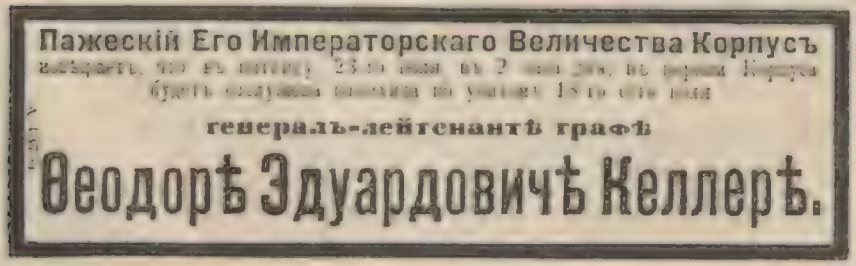
Правленіе Римско-Католическаго

Графъ Осодоръ Э.

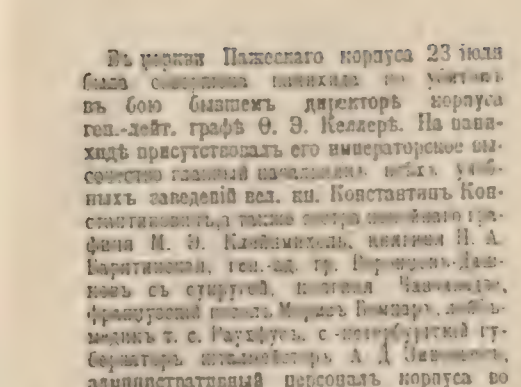
ГРАФЪ
Ѳеодоръ Эдуардовичъ
Келлеръ
НАЧАЛЬНИКЪ ВОСТОЧНАГО ОТРЯДА,
БЫВШІЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ
18 сего іюля въ 3 ч. 20 м. пополудни
скончался отъ смертельной раны
на полѣ брани, на Янзалинскомъ перевалѣ.
Панихида будетъ отслужена завтра, 21-го сего іюля.
О часѣ и мѣстѣ служенія панихиды будетъ объявлено особо.

Изъ газетныхъ объявленій.

Вѣсть о смерти графа Ѳ. Э. Келлера произвела весьма тяжелое впечатлѣніе въ Петербургѣ, особенно среди военныхъ, такъ какъ графъ Келлеръ занималъ тамъ долгое время мѣсто директора въ пажескомъ корпусѣ, командовалъ лейбъ-гвардіи 4-мъ стрѣлковымъ Им-


Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ
извѣщаетъ, что въ пятницу 23-го іюля въ 2 часа дня, въ церкви Корпуса
будетъ отслужена панихида по усопшемъ 18-го сего іюля
генералъ-лейтенантѣ графѣ
Ѳеодорѣ Эдуардовичѣ Келлерѣ.

Изъ газетныхъ объявленій.



Въ церкви Пажескаго корпуса 23 іюля была совершена панихида по убитомъ въ бою бывшемъ директорѣ корпуса ген.-лейт. графѣ Ѳ. Э. Келлерѣ. На панихидѣ присутствовалъ его императорское высочество главный начальникъ всѣхъ учебныхъ заведеній вел. кн. Константинъ Константиновичъ, а также сестра покойнаго графиня М. Э. Клейнмихель, княгиня Н. А. Барятинская, ген.-ад. гр. Воронцовъ-Дашковъ съ супругой, княгиня Чавчавадзе, французскій посолъ Морисъ Бомпаръ, лейбъ-медикъ т. с. Раухфусъ, с.-петербургскій губернаторъ шталмейстеръ А. Д. Зиновьевъ, административный персоналъ корпуса во главѣ съ директоромъ Свиты Его Величества ген.-м. Н. А. Епанчинымъ и пажи.

Изъ хроники петерб. газетъ.

ператорской фамиліи баталіономъ и вообще пользовался громадными симпатіями въ обществѣ.

Не только въ Россіи но и далеко за предѣлами ея смерть графа Ѳеодора Эдуардовича Келлера произвела большое впечатлѣніе.

Въ Берлинѣ газеты посвятили памяти графа теплыя статьи, восхваляя его выдающіяся способности и храбрость.

Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за военными событіями на Дальнемъ Востокѣ, болгарское общество и печать чутко отзывались на всѣ болѣе или менѣе выдающіеся эпизоды кровопролитной войны, скорбя и радуясь вмѣстѣ съ русскимъ народомъ.

Геройская смерть графа Келлера, принимавшаго участіе въ Освободительной войнѣ, вызвала неподдѣльную печаль во всѣхъ слояхъ болгарскаго общества. Эта братская скорбь выразилась въ повсемѣстныхъ торжественныхъ панихидахъ по павшемъ героѣ, а также въ статьяхъ и обширныхъ некрологахъ, появившихся во всѣхъ болгарскихъ газетахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ передовая статья въ софійской газетѣ „День“ подъ заглавіемъ „Признательность“: „Сила народа,—говоритъ газета, въ сознаніи своего долга, а признательность въ высокоблагородныхъ чувствахъ. Когда какой-либо историческій моментъ закрѣпляетъ на всегда традиціонныя связи между двумя народами, когда такой моментъ связываетъ судьбу народа съ великимъ событіемъ, явившимся какъ результатъ великой идеи, то воспоминанія о немъ глубоко запечатлѣваются въ признательномъ сердцѣ націи и служатъ грядущимъ поколѣніямъ напоминаніемъ объ идеалахъ, которыми они должны воодушевляться. Въ такихъ отношеніяхъ находится Болгарія къ Россіи. Въ такихъ отношеніяхъ находится освобожденный болгарскій народъ къ великодушному и щедрому русскому народу. Въ такихъ отношеніяхъ находятся и оставшіеся еще въ живыхъ ветераны болгарскаго ополченія къ бывшему начальнику штаба, нынѣ убитому на поляхъ и горахъ Манчжуріи генералу Келлеру. Намъ въ одно и тоже время и тяжело, и мило вспоминать прошлое, призывая признательное поколѣніе къ воздаянію великой чести, заслуженной

смѣлымъ полководцемъ Освободительной войны. Этого требуетъ отъ насъ нашъ долгъ, такъ какъ если у насъ есть теперь армія, штыки которой служатъ предвѣстниками культурнаго развитія болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, то этимъ мы обязаны исключительно русскимъ героямъ, какъ Келлеръ. Инициатива ополченцевъ отслужить панихиду по генералѣ Келлерѣ достойна высшей похвалы. Это—маленькая доля той признательности, которая глубоко таится въ душѣ каждаго болгарина! Болгарскій народъ, чтя память одного русскаго генерала, выполняетъ свой долгъ по отношенію ко всему русскому народу. Несчастія, которыя обрушиваются на нашихъ ближнихъ, отражаются въ нашемъ сердцѣ. Мы больше всѣхъ чувствуемъ потери нашихъ освободителей, потому что мы не ожидали ихъ.... Миръ праху павшаго героя! Онъ заслужилъ нашу признательность!"

Въ Софійскихъ газетахъ было помѣщено слѣдующее воззваніе центральнаго поборническаго ополченскаго дружества въ Софіи:

Централно Поборническо-Опълченско Дружество въ София.

Негово Сиятелство Генералъ-Лейтенантъ Феодоръ Едуардовичъ

Графъ Келлеръ

загина (18 юлий т. г.) на Далечния Изтокъ въ войната на нашата Освободителка противъ японцитѣ.

Тази смърть не може да не трогне българскитѣ сърдца. Графъ Келлеръ бѣше началникъ щаба на Българското Опълчение; той бѣше обикналъ българския войникъ като свой братъ; той искаше да види бърже че България се снабдява съ една ядка на достойна войска. Той работи съ благость, постоянство и любовь за образуването на тази войска и той сега умира на поста си, като прѣвъзходенъ войникъ, на 54-годишна възрасть. Извѣстието за тази смърть покърти душитѣ на всички опълченци и поборници въ цѣла България.

По наша инициатива сега, въ недѣля, на 25 того, въ съборната черква «Св. Краль», слѣдъ отпускъ, ще стане парастасъ за душата на многозаслужилия ни генералъ.

Нека се притечемъ, прочее, всички на този парастасъ и да кажемъ

Вѣчна паметь на незабравимия Генералъ Келлеръ!

София, 23 юлий 1904 год.

Отъ Настоятелството.

Вспоминая эпоху великой Освободительной войны болгарская газета „Прѣпорецъ" говоритъ, что всѣ тѣ русскіе герои, которые принимали активное участіе въ Освободительной войнѣ, считали Болгарію

какъ бы своимъ дѣтищемъ и зорко слѣдили за ея благополучіемъ. Время и событія, однако,—съ горечью отмѣчаетъ газета, начали сглаживать счастливыя отношенія, установившіяся между Россіей и Болгаріей вслѣдъ за освобожденіемъ послѣдней. Съ одной стороны, стамбуловскій режимъ, какъ признакъ черной неблагодарности, посѣялъ взаимное недовѣріе, которое не могли разсѣять и послѣдующія событія. Съ другой стороны, тѣ, которые принимали личное участіе въ нашемъ освобожденіи и которые проливали свою кровь за насъ, одинъ, за другимъ начали падать подъ мечемъ неумолимой смерти, а новыя поколѣнія, возроставшія при другихъ условіяхъ, воспитанныя въ иныхъ чувствахъ, постепенно утрачиваютъ нравственныя узы, связывающія освободителей съ освобожденными, и мы начали не понимать другъ друга.

Эти невеселыя мысли мучатъ насъ всегда когда до насъ долетаетъ скорбная вѣсть о смерти тѣхъ, которые ратовали за наше возрожденіе, которые проливали свою кровь ради нашего освобожденія.

Эти мысли не оставляютъ насъ и теперь, когда телеграфъ принесъ намъ скорбную вѣсть съ Дальняго Востока о безвременной и трагической, хотя и славной смерти графа Келлера.

Князь Фердинандъ болгарскій прислалъ графинѣ М. А. Келлеръ слѣдующую телеграмму: *„Вѣсть о геройской смерти вашего супруга глубоко меня опечалила. Единственное утѣшеніе въ вашемъ великомъ горѣ,— что онъ палъ, храбро защищая свое Отечество. Миръ праху благороднаго героя“.*

Военный министръ получилъ слѣдующую телеграмму отъ министра—президента Сербіи—Саввы Дмитріевича Грунча: *„Прошу ваше превосходительство принять выраженіе живѣйшей печали, испытанной мною и сербской арміей при вѣсти о смерти генерала, графа Келлера, проявившаго уже свой героизмъ когда онъ дрался, какъ добровольцъ, въ рядахъ сербской арміи“.* Въ то же время въ газету „Свѣтъ“ по телеграфу было послано изъ Алексинаца сообщеніе, что на Шуматовцѣ, гдѣ находится памятникъ русскимъ добровольцамъ, погибшимъ на войнѣ противъ турокъ за освобожденіе Сербіи, въ присутствіи короля Петра I, сопровождающей его свиты, мѣстныхъ властей и жителей и при сборѣ войскъ, находящихся въ Алексинацѣ, отслужена панихида по графѣ Келлерѣ, безвременно погибшемъ въ бою съ японцами, бывшемъ сербскомъ добровольцѣ, выдающемся доблестью и храбростью.

Марія Александровна графиня Келлеръ осчастливлена была телеграммами отъ ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ. Со всѣхъ концовъ Россіи и изъ за границы М. А. графиня Келлеръ получала каждый день по нѣсколько десятковъ телеграммъ отъ представителей разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и отъ частныхъ лицъ, сочувствующихъ ея горю. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ телеграммъ: Отъ ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны: **„Государь и Я глубоко сочувствуемъ вашему горю. Да подкрѣпитъ Господь ваши силы въ тяжелой утратѣ. Александра.„**

Отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны **„C'est du plus profond de Mon coeur que Je partage votre grande douleur. Pense à vous avec la plus vive simpathie que Dieu vous soutienne MARIE“.**

Отъ ея королевскаго величества королевы греческой Ольги Константиновны: **„Не съумѣю словами выразить мое глубокое сочувствіе въ вашемъ тяжкомъ горѣ. Да подкрѣпитъ и утѣшитъ васъ Господь. Ольга“.**

Отъ ихъ Императорскихъ Высочествъ Георгія Максимиліановича и Анастасіи Николаевны, герцога и герцогини Лейхтенбергскихъ: **„Отъ души раздѣляемъ горе, постигшее васъ. Помоги вамъ Господь перенести это тяжелое испытаніе. Анастасія. Георгій“.**

Отъ ея Высочества герцогини Саксенъ—Альтенбургской Елены Георгіевны: **„Отъ глубины души раздѣляю вашу скорбь. Господь да поможетъ вамъ и да сохранитъ вашего сына Елена Альденбургская“.**

Отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны:

Геор
мож

Але

„Nous pronons une part sincère à votre grand malheur, qui prive l'armée d'un de ses h'eros. Marie, Wladimir".

Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича: „Прошу васъ принять выраженіе моего искренняго участія въ постигшемъ васъ великомъ горѣ. Вамъ извѣстно, какія были отношенія вашего почтеннаго мужа ко мнѣ. Глубоко скорблю съ вами. Да подкрѣпитъ васъ Господь. Михаилъ".

Отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны: „Всѣмъ сердцемъ раздѣляемъ ваше ужасное горе. Подкрѣпи Господь. Сергѣй, Елисавета."

Отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Александра Михайловича и Великой Княгини Ксеніи Александровны: „Просимъ васъ принять наше самое сердечное участіе въ постигшемъ васъ тяжкомъ горѣ. Ксенія, Александръ."

Отъ Сіамскаго посланника: „Его Королевское Высочество принцъ Секребонъ Сіамскій, находясь за границей, поручилъ мнѣ, въ день погребенія графа, еще разъ, засвидѣтельствовать вамъ глубочайшее соболѣзнованіе. Принцъ всю жизнь будетъ гордиться тѣмъ, что былъ Его воспитанникомъ".

Изъ г. Тихвина, гдѣ ни графъ ни графиня не знали ни одного человѣка: „Члены собранія считаютъ долгомъ выразить глубокое сочувствіе по поводу понесенной вами незамѣнимой утраты, сознавая, что ваша печаль есть, въ тоже время, и скорбь всей великой Россіи, потерявшей въ лицѣ вашего мужа одного изъ храбрѣйшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ своихъ, беззавѣтно преданныхъ воинской доблести, самоотверженно и добровольно ставшаго въ первые ряды защитниковъ Отечества".

Отъ управленія Дружковскаго завода: „Рабочіе и населеніе, возносягорячуюмолитву объ упокоеніи незабвеннаго графа, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, оплакиваютъ вмѣстѣ съ вами, глубокочтимаго, бывшаго начальника губерніи. Въ благодарной памяти нашей никогда не умретъ образъ искренняго, справедливаго, для всѣхъ доступнаго графа—рыцаря, который и въ мирное время и на войнѣ училъ насъ какъ надо жить и умирать..."

Изъ Маріуполя: „Маріупольское уѣздное земское собраніе, отслуживъ панихиду по умершемъ смертью героя графѣ, съ глубокимъ уваженіемъ преклоняется предъ его славной памятью и вѣчно будетъ помнить, что

графъ, по рыцарскому свойству своей души, не зная иныхъ стимуловъ, кромѣ правды, признавалъ, вопреки тенденціямъ, дѣйствительное значеніе земства и открыто оказывалъ благожелательное къ нему отношеніе".

Изъ г. Екатеринослава: „Представители всѣхъ учрежденій Екатеринослава, всего Екатеринославскаго и городского населенія, почтивъ память незабвеннаго, горячо любимаго графа, выражаютъ и свое глубокое горе о кончинѣ рѣдкаго, чистой души, человѣка. Ваша утрата является утратой для всей Россіи".

.....Какой ударъ, какое тяжкое горе. Раздѣляю съ вами глубокую сердечную скорбь объ утратѣ незабвеннаго, рѣдкаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка и героя. Оплакиваю, какъ родного, чуднаго графа. Губернскій предводитель дворянства."

..... Подавленъ ужаснымъ извѣстіемъ. Оплакиваю дорогого графа, какъ лучшаго человѣка и истиннаго героя. „Екатеринославскій Вице-Губернаторъ."

„Прощаясь на вѣки съ дорогимъ покойникомъ, скажите Ему мое истинное, искреннее сожалѣніе, что не имѣлъ возможности закрыть его, Балканскаго Орла, моею грудью Капитанъ Я."

..... „Смерть глубокоуважаемаго графа Ѳ. Э. незамѣнимая потеря для насъ военныхъ" Генералъ К.

..... „Постигшее васъ горе, раздѣляетъ съ вами вся Россія, а въ особенности наша еврейская община, которой имя графа, какъ бывшаго начальника, особенно дорого". Екатеринославское духовное правленіе.

NN. Стало извѣстно впослѣдствіи, что россійское еврейское духовное правленіе предписало служить панихиды во всѣхъ синагогахъ Россіи, причемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ и, между прочимъ, въ Петербургѣ, панихиды эти служились втеченіе 6 недѣль.

Въ Сартанской волости Маріупольскаго уѣзда въ 1902 году образовался поселокъ Келлерово названный въ честь бывшаго губернатора за его сердечное отношеніе къ выселившимся поселянамъ. Узнавъ о смерти графа, поселяне обратились къ волостному старшинѣ съ просьбой торжественно отслужить въ день похоронъ графа въ поселкѣ панихиду и послать графинѣ сочувственную телеграмму. Старшина, исполнивъ требованіе поселянъ, получилъ въ отвѣтъ отъ графини Келлеръ слѣдующую телеграмму: „Глубоко цѣню отношенія сельца

Келлерово къ покойному моему мужу. Мнѣ особенно отрадно думать, что вы и мы одновременно молимся за него. Пріймите и передайте населенію Келлерово выраженіе моей душевной признательности".

Графинѣ Келлеръ была отправлена телеграмма слѣдующаго содержанія: „Въ день похоронъ доблестнаго героя, графа Келлера, павшаго на полѣ брани за честь Родины, поселяне сельца Келлерсво, образованнаго въ память счастливаго для населенія управленія покойнымъ графомъ Екатеринославской губэрніей. шлютъ вашему сіятельству искреннее сочувствіе въ постигшемъ горѣ".

Гробъ Графа О. Э. Келлера.

Отданіе послѣднихъ почестей въ Ляоянѣ.

У тихой пристани. „Послѣднее прости“.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ вѣнчанный народною славой.

С. Л. Дрожжинъ.

....И Вамъ сплетенъ вѣнокъ за Ваши всѣ страданья,
За то, что родину—печальницу любя,
Вы крестъ ея несли въ годину испытанья,
За то, что о себѣ не мысля, не скорбя,
Странѣ своей родной Вы отдали себя.

К. Никоновъ.

На другой день послѣ трагической кончины тѣло графа Ѳ. Э. было перенесено въ деревянномъ гробу въ Ляоянъ, гдѣ переложили его въ металлическій гробъ и послѣ торжественной литіи и отданія воинскихъ почестей дорогіе останки графа отправлены въ Россію. Тѣло графа съ мѣста кончины до Ляояна а затѣмъ до Иркутска сопровождалъ сынъ его, корнетъ казачьяго полка, графъ Келлеръ, только что прибывшій изъ Россіи съ 17 корпусомъ. Траурный вагонъ, сопровождаемый черкесомъ, служившемъ при покойномъ графѣ Келлерѣ, былъ прицѣпленъ къ сибирскому поѣзду—экс-

пресъ. Въ Ряжскѣ вагонъ былъ отцѣпленъ и переданъ на московско-казанскую желѣзную дорогу. Къ приходу поѣзда въ Рязань прибыла супруга покойнаго, графиня М. А. Келлеръ, которая и сопровождала прахъ мужа до Зарайска, гдѣ должны были состояться похороны. Во время слѣдованія съ Дальняго Востока къ центру Россіи праха покойнаго на большихъ станціяхъ поѣздъ встрѣчали депутаціи отъ городовъ и представители военнаго вѣдомства съ оркестрами музыки. На многихъ станціяхъ на гробъ были возложены вѣнки и, въ концѣ концовъ, вагонъ былъ переполненъ цвѣтами. 11 августа утромъ, гробъ съ прахомъ графа былъ доставленъ поѣздомъ на станцію Зарайскъ. Встрѣчено было тѣло съ военными почестями, убитою горемъ графиней, родными, военными и гражданскими властями и тысячной толпой народа. 18 августа состоялись похороны.

На скорбномъ торжествѣ похоронъ графа Ѳ. Э. Келлера было разительное проявленіе той народной любви, которою пользовался почившій герой—толпы крестьянъ изъ окрестныхъ селъ запрудили улицы

села Сѣнницы и церковную площадь, многіе крестьяне при выносѣ тѣла плакали. Тутъ, также какъ и въ Екатеринославѣ, покойнаго Ѳеодора Эдуардовича называли „нашимъ графомъ“, и то и дѣло въ народной толпѣ слышались голоса: „убили нашего графа, нашего защитника“. Присутствіе многочисленной екатеринославской депутаціи

Видъ за церковью.

свидѣтельствовало о той же народной любви, которую „нашъ“ графъ заслужилъ и въ той губерніи, далекой отъ мѣста его бывшаго упокое-

Новый домъ графовъ Келлеръ.

нія, гдѣ ему привела судьба губернаторствовать. Дорога въ Сѣнницы идетъ черезъ р. Осетръ и затѣмъ вьется по холмистымъ полямъ

Самое село построено у подножія крутого обрыва. Тутъ же расположена владѣльческая усадьба съ прекрасно содержимымъ тѣнистымъ паркомъ. Въ этомъ паркѣ стоитъ недавно отстроенный въ художественномъ староелисаветинскомъ англійскомъ стилѣ двухъ-этажный домъ. Входная башня, готическія окна монастырскаго облика, дубовая лѣстница, ведущая изъ обширныхъ сѣней на верхъ, мелкіе переплеты оконныхъ рамъ, открытыя каменныя террасы—все это строго выдержано въ томъ архитектурномъ стилѣ, который выбранъ былъ строителями. Внутри все убранство комнатъ тоже подобрано съ большимъ вкусомъ и свидѣтельствуетъ о художественной чуткости хозяевъ. На одной изъ террасъ въ стѣну вдѣланъ камень, найденный при сломкѣ фундамента стараго дома, стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Надпись на этомъ камнѣ славянскою скорописью съ титлами удостовѣряетъ, что старый домъ былъ построенъ прежнимъ владѣльцемъ Сѣнницъ, княземъ Голицынымъ въ 1771 г.

Старый домъ.

18 августа ко времени похоронъ прибыли екатеринославскіе депутаты отъ города, земства, служащихъ екатерининской желѣзной дороги и редакція газеты „Придѣпровскій Край“. Одновременно съ тѣмъ же поѣздомъ прибыли въ церковь депутаціи отъ гвардейскаго корпуса, отъ кавалергардскаго полка и отъ баталіона стрѣлковъ Императорской фамиліи. Наканунѣ прибыли депутаціи отъ генеральнаго штаба и изъ Москвы отъ штаба первой гренадерской дивизіи. Привезены серебряные вѣнки изъ Екатеринослава отъ франко-бельгійской колоніи, общества попеченія о дѣтяхъ, губернскаго правленія, губернской канцеляріи и городской полиціи.

Возложены также серебряные вѣнки восемь отъ земствъ—отъ семи уѣздныхъ и губернскаго Екатеринославской губерніи, одинъ отъ города и одинъ отъ редакціи „Придѣпровскаго Края“; остальныя де-

путаціи также привезли серебряные вѣнки, которые и возложены во время Богослуженія.

Въ храмѣ старинной крестообразной постройки, съ высокимъ иконостасомъ и прекрасной живописью на св. иконахъ, посреди̇нѣ передъ амвономъ возвышался высокій черный катафалкъ, на которомъ стоялъ тяжелый, утопавшій въ вѣнкахъ и цвѣтахъ свинцовый, наглухо запаянный гробъ съ останками покойнаго графа Ѳеодора Эдуардовича. Кромѣ вѣнковъ, привезенныхъ депутаціями, много было возложено на мѣстѣ: зарайскимъ дворянствомъ, крестьянами, родными и знакомыми. На крышкѣ гроба лежалъ увядшій вѣнокъ изъ манчжурской хвои, дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ, возложенный въ Ляоянѣ Евгеніевской Общиной Краснаго Креста: онъ вмѣстѣ съ другимъ увядшимъ вѣнкомъ отъ восточнаго отряда прибылъ съ гробомъ изъ Ляояна. Тяжелыми воспоминаніями вѣяло отъ этихъ вѣнковъ. У гроба стояло дежурство. Два офицера стрѣлка, два офицера кавалергарда и два солдата — кавалергарда съ обнаженными шашками охраняли почившаго военачальника. Церковь была переполнена молящимися, на площади стояла огромная толпа. Служили соборнѣ протоіереи зарай-

скаго Собора съ мѣстнымъ сѣнницкимъ священникомъ и двумя священниками зарайскихъ церквей; великолѣпно пѣлъ большой хоръ пѣвчихъ; пѣснопѣнія исполнялись изъ заупокойной обѣдни Чайковскаго *).

За литургіей слѣдуетъ торжественная литія. Наступаетъ, наконецъ, печальный моментъ слѣдованія гроба къ мѣсту послѣдняго упокоенія.

Одинъ за другимъ снимаютъ съ гроба вѣнки и передаютъ ихъ крестьянамъ, обступившимъ гробъ. Жарко спорятъ они изъ за чести нести эти вѣнки къ могилѣ графа. Порядокъ, благоговѣйная тишина охраняются, однако, лучше всего самими участниками шествія. Тяжелый гробъ осторожно поднимаютъ на руки, спускаютъ съ высокой паперти, ставятъ внизу на носилки, и вотъ толпа заколыхалась, печальный кортежъ тронулся. Солнце на нѣсколько минутъ выглянуло изъ разорванныхъ вѣтромъ облаковъ, и лучи его засверкали на шитыхъ

*) Изъ статьи „На похоронахъ графа Ѳ. Э. Келлера". Ѳ. А. Духовецкаго въ „Придѣп. Край" 1904 г. № 2262.

мундирахъ военныхъ депутатовъ, на орденахъ покойнаго графа, несомыхъ этими депутатами во главѣ процессіи. Далѣе слѣдуютъ духовенство, хоръ, стройно громящій молитву Богу „крѣпкому и безсмертному“, гробъ, несомый на рукахъ поочередно участниками шествія, и, наконецъ, вдова—графиня въ глубокомъ траурѣ, опираясь на руку князя Барятинскаго. Народъ валитъ могучей, смутно рокочущей волной.

Кортежъ подвигается по селу медленно, часто останавливаясь для совершенія литій. Стрѣхи избъ и придорожныя ветлы усѣяны людьми. Черезъ старинныя ворота процессія входитъ въ паркъ и тѣнистою липовою аллеей поднимается въ глубину его. Шествіе минуетъ графскій домъ, минуетъ зеркальный прудъ подъ горою, роскошный цвѣтникъ съ фонтаномъ посрединѣ.

Фамильная усыпальница графовъ Келлеръ.

Въ одномъ изъ самыхъ уютныхъ уголковъ парка высится стеклянная галлерея, сооруженная на подобіе аранжереи. Это своеобразное сооруженіе и предназначается быть фамильной усыпальницей графовъ Келлеръ. Въ этой „часовнѣ теплицѣ“ уже покоится прахъ безвременно скончавшейся дочери графа Ѳеодора Эдуардовича. Останки отца —героя лягутъ рядомъ съ могилой дочери. Голова процессіи входитъ въ часовню.

Народъ окружаетъ ее тѣснымъ могучимъ кольцомъ. Часовня уставлена тропическою зеленью.

Въ передней стѣнѣ распятіе съ лампадой передъ нимъ, тѣсно обвитое темной зеленью плюща и окаймленное розами. Въ обстановкѣ этой усыпальницы есть что-то неожиданно—радостное, чуется какая то свѣтлая христіанская надежда, не затмѣваемая черной тѣнью смерти. Обрядъ опусканія гроба въ могилу быстро заканчивается. Пять-шесть минутъ, и вотъ уже горсти земли, кажется, какъ-то особенно гулко застучали по крышкѣ гроба. Это моментъ, когда разлука смертная съ дорогимъ человѣкомъ на мигъ сознается съ особой острой болью. Ниже наклонились головы. Слышны рыданія. Скорбная фигура графини—вдовы застыла надъ могилой. Инокиня—тетка графини—въ мірѣ княгиня Шаховская,—съ лицомъ изможденнымъ и строгимъ, тихо приближается къ ней. Присутствующіе медленно расходятся. *) .....

Графа Ѳеодора Эдуардовича Келлера уже больше нѣтъ въ живыхъ. Стало меньше однимъ героемъ, однимъ носителемъ Скобелевскихъ традицій.

Пренебрегая опасностью, думая только объ одномъ, чтобы своимъ присутствіемъ принести какъ можно больше пользы дѣлу, онъ отправился въ самый центръ боя и смерть унесла еще одну жертву..... Занимая видное положеніе, онъ стремился на войну не для карьеры, не для добыванія крестовъ и славы...Онъ видѣлъ въ этомъ свой долгъ, обычное, естественное стремленіе солдата, который

*) Изъ статьи „За гробомъ гр. Келлера" К. Мирова „Русское слово" 1904 г. № 231.

оставляетъ свои мирныя занятія, когда гремитъ призывной барабанъ.

И вотъ, его уже больше нѣтъ!

Онъ сошелъ съ лица земли, и когда дымъ гранатъ разсѣялся, на землѣ лежалъ уже не графъ Келлеръ, а раненый тяжело герой, которому суждено было еще страдать, страдать ужасно, пока смерть не наложила своей костлявой руки на это сердце, такъ любившее людей.

Напрасно будутъ ждать офицеры и солдаты своего начальника... Онъ не придетъ къ нимъ больше! Не прозвучитъ его голосъ, не услышатъ они его властной, подбадривающей команды. Онъ былъ солдатомъ и остался имъ до конца.

Умираютъ Скобелевскіе орлы, не много ихъ осталось, не много!..

Но умираютъ они только для глаза, для перваго впечатлѣнія. Они живутъ въ памяти, и исторія спокойно внесетъ ихъ имена на свои страницы...

Они живутъ въ нашихъ сердцахъ, они будутъ долго жить, потому, что все ихъ существованіе было согрѣто любовью къ ближнему, а **любовь сильнѣе смерти**.

Въ книжныхъ магазинахъ г. г. Москвы и Екатеринослава и у автора (Москва, канцелярія 6-го Таврическаго Гренадерскаго, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, полка у капитана Александра Григорьевича Авчинникова) можно пріобрѣтать вышедшія ранѣе иллюстрированныя изданія:

1) **„Другъ бѣдныхъ“**. Брошюра посвященная памяти врача гуманиста И. В. Лешко-Попеля. Цѣна 25 к. 2) **„Современный флотъ„** Цѣна 15 к. 3) **Японія**. Военно-географическій очеркъ. Цѣна 30 коп. 4) **Первые народные представители Екатеринославской губерніи“**. Портреты и біографіи депутатовъ и политическій словарь. Цѣна 20 коп.

Съ пересылкой на 10 коп. дороже. При требованіи 100 экземпляровъ и выше пересылка на счетъ автора.

Выдержки изъ нѣкоторыхъ газетныхъ отзывовъ о брошюрѣ „Другъ бѣдныхъ“.

....„Я внимательно прочиталъ эту книжку и на меня повѣяло удивительнымъ теплomъ, удивительной любовью къ покойному. Можетъ быть таково ужъ свойство добрыхъ людей, что и по смерти они возбуждаютъ хорошія свѣтлыя чувства. Книжка составлена внимательно, полно, рисунки изящные и передъ вами вырисовывается фигура доктора, которому охотно протянулъ бы руку и котораго привлекъ бы въ свои объятія незабвенный Ѳеодоръ Петровичъ Гаазъ“.

Приднѣпровскій Край 1904 г. № 2090.

....„Въ книжкѣ собрано многое изъ того, что писалось и говорилось о покойномъ непосредственно послѣ его смерти, собрано съ любовью авторомъ, знавшимъ лично покойнаго и освѣтившимъ теплыми строками всю великую любвеобильную душу рѣдкаго человѣколюбца —врача. Было бы очень желательно, чтобы книжка г. Авчинникова попала въ народныя библіотеки, чтобы память о незабвенномъ врачѣ—гуманистѣ глубже врѣзалась въ память народа“....

Екатериносл. Листокъ 1904 г. № 185.

Сочувственные отзывы помѣщены въ **„Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“** 1904 г. № 79, **„Приазовскомъ Краѣ“** 1904 г. № 131, **„Донской Рѣчи“** 1904 г. № 136, **„Южномъ Телеграфѣ“** 1904 г. № 665, **„Военно-Медицинскомъ журналѣ“**. 1904 г. іюль, **„Южномъ Краѣ“** № 8037, **„Русскомъ Словѣ“** № 94 и въ друг.

О брошюрахъ „Современный флотъ“ и „Японія“.

....„Появленіе такихъ книгъ, могущихъ принести малоимущему читателю, въ большинствѣ—рабочему человѣку, только пользу, надо искренно привѣтствовать....

....Новая книга, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣтитъ среди рабочаго населенія полное сочувствіе, и мы нисколько не сомнѣваемся, что и разойдется она въ большомъ количествѣ, для этого нужно только показать ее на нашихъ заводахъ“....

Рабочій С. Цорнъ „Приднѣпровскій Край“ 1904 г. № 2169.

....„Такое знакомство съ предметомъ мы можемъ встрѣчать лишь у людей знатоковъ, спеціалистовъ, анализъ которыхъ идетъ въ глубь и ширь избраннаго ими для популяризаціи объекта. Кромѣ того, форма изложенія проста и понятна даже для малограмотнаго люда, что является также не малымъ достоинствомъ брошюры“.

„Южный Телеграфъ“ 1904 г. № 604.

....„Авторъ пользовался солидными матеріалами и выполнилъ свою задачу достаточно живо и популярно. Недурныя иллюстраціи“.

„Приазовскій Край“ 1904 г. № 147.

Брошюры **Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены и допущены къ пріобрѣтенію** въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній (отзывы Департамента Общихъ дѣлъ министерства. 1904 г. № 64616 и 1905 г. № 24845). **Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и приказами по 34 и 53 пѣхотнымъ дивизіямъ** (1904 г. №№ 10, 34 и 1906 г. № 14).

Складъ изданія: Москва. Канцелярія 6-го Таврическаго Гренадерскаго полка у автора Капитана Александра Григорьевича Авчинникова. Тамъ же вышедшія ранѣе иллюстрированныя книжки: „Другъ бѣдныхъ“ цѣна 25 к., „Современный флотъ“ цѣна 15 коп. и „Японія“ цѣна 20 коп.

Цѣна 60 коп.